Аляксандр Тамковіч

Неафіцыйна аб афіцыйных

НЕАФІЦЫЙНА

АБ

афіцыйных

Аляксандр Тамковіч

Kamunikat.org
Мінск - Беласток
2013

Выдавец:

Kamunikat.org
Беларуская Інтэрнэт-Бібліятэка

Карэктар: *Тамара Лаўранчук*

Праект вокладкі: *Наталля Герасімюк*

Кампутарная вёрстка: *Наталля Герасімюк*

Гэта кніга складаецца з артыкулаў „нефармальнага” кшталту, якія друкаваліся ў розных сродках масавай інфармацыі. У розны час гэтыя людзі працавалі ў нашай краіне ў якасці замежных дыпламатаў. Лёсы іх склаліся па-рознаму. Нехта працуе ў іншых дзяржавах. Нехта ўжо выйшаў на пенсію. Нехта вярнуўся ў Беларусь у новай якасці. Аднак усіх яднае адно — гэта сапраўдныя сябры Беларусі.

На момант размовы з імі не ўсе ведалі беларускую мову дасканала і саромеліся на ёй размаўляць, таму пераважная большасць артыкулаў напісана на рускай мове, аднак тэндэнцыя вывучаць мову той краіны, у якой яны працуюць, не толькі дамінавала, але і стала абавязковым складнікам прафесійнага жыцця замежных дыпламатаў.

І яшчэ. Я наўмысна з улікам сучаснай інфармацыі нічога не мяняў у тэкстах, якім ужо шмат год, бо, на мой погляд, больш цікава тое, што героі думалі і гаварылі тады, а не тое, што мы ведаем зараз.

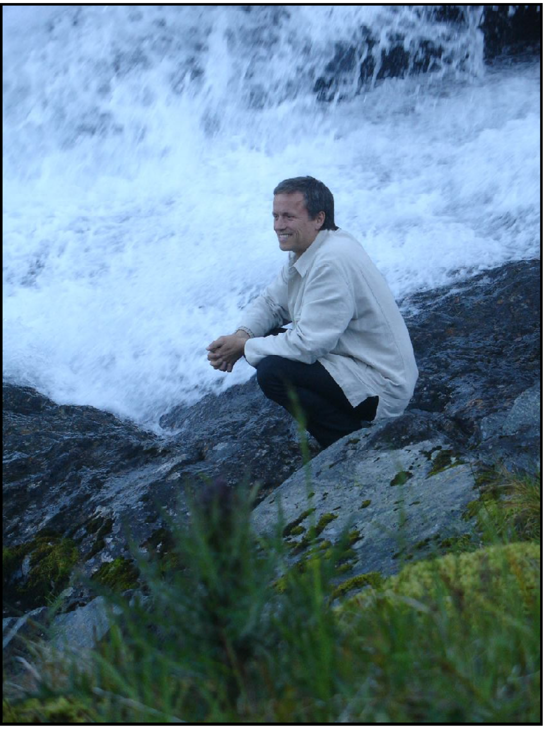
Праект ажыццяўляецца разам з Беларускай Інтэрнэт-Бібліятэкай Kamunikat.org, што вельмі сімвалічна, бо толькі кнігі могуць захаваць для нашчадкаў цікавую і аб’ктыўную інфармацыю пра іх продкаў

Размовы, якія прапануюцца Вашай увазе ў гэтай кнізе — своеасаблівая хроніка асабістага жыцця замежнікаў і іх погляды на беларускую рэчаіснасць. Па сутнасці, яны адказваюць на адны і тыя ж пытанні, толькі кожны робіць гэта па-свойму.

p.s.

Не гледзячы на тое, што гэта кніга ўжо 18-я (з улікам перакладаў і перавыданняў), яна стала маім дэбютам у модным зараз „электронным выглядзе”, што яшчэ раз падкрэслівае — дэбюты бываюць і ў 50 год...

Аляксандр Тамковіч

«ПАМЯРКОЎНЫ» СТЕФАН ЭРИКССОН

Среди всех дипломатических работников, находящихся в данный момент в Беларуси, глава Шведского отделения посольства (посольство в Москве – прим. автора) считается одним из самых доступных для журналистов. Объяснение в его очень энергичном характере. Впрочем, обо всем по порядку.

— Где Вы родились?

— В Швеции 18 марта 1962 года. В довольно большом, по шведским (120 тысяч населения) меркам, городе Вэстерос. Прожил там до двадцати лет. Отъезжал только на один год. В США по программе обмена. Жил в американской семье, ходил в школу. В 17 лет.

Мне нравилось путешествовать. Повсюду ездить, открывать для себя новые страны. Так получилось, что тогда я еще увлекся и русским языком. Именно поэтому поехал в Москву. Был стажером Московского государственного университета.

— То есть после школы вы куда-то поступили?

— Нет.

После школы я сразу пошел служить в армию.

— И сколько служили?

— 15 месяцев. Служил переводчиком, то есть имел возможность изучать иностранные языки — английский и русский. Это потом очень пригодилось.

— У вас служить обязательно?

— Нет. У нас есть система призыва, а также альтернативная служба. Шведская армия, на данный момент, не нуждается во всеобщей воинской обязанности. Думаю, служит около половины. В основном те, кто хотят сами. Если кто-то по каким-то причинам не хочет, может без труда получить отсрочку.

В МГУ стажировался на кафедре русского языка для иностранцев. Только после этого я поступил в Стокгольмский институт экономики и торговли, который в конце 1988 года закончил. Правда, по специальности не работал.

Взял дипломатический курс. Три года трудился в Шведском торговом совете, помогал предприятиям на рынках тогда еще Советского Союза. А в 1992 году написал заявление с просьбой принять на работу в наш МИД.

В Швеции нет специализированных учебных заведений, где готовят и обучают дипломатов. Министерство иностранных дел берет людей с готовыми профессиями, а потом обычно проводит какие-то курсы, но так сложилось, что у меня их не было. Получилось так, что дипломатом я стал, можно сказать, уже немолодым, в 30 лет. МИД решило меня сразу

отправить в Москву в торговый отдел шведского посольства. Всякие дипломатические премудрости постигал, так сказать, в процессе работы, в течание трёх лет.

Затем отправили сразу в Брюссель. Время было достаточно интересное – 1995 год. Тогда Швеция только-только вступила в ЕС. Это было наше представительство при Евросоюзе. Через два года вернулся домой. В МИД определили на должность, где основной была работа с Беларусью и по некоторым направлениям с Россией. Проработал там три года – с 1997-го по 2000-ый.

Когда позднее попал в Беларусь, то не был здесь полным дилетантом. Многое уже знал, да и определенный опыт работы с Беларусью имелся. Приятно, что встретился со многими из тех, с кем прежде общался.

В 2000 году неожиданно поступило предложение поработать вторым лицом в Шведском генеральном консульстве в Санкт-Петербурге. Я уже видел Москву, но это совсем другой город. Санкт-Петербург связан, в том числе, и со Швецией. Мне он был очень интересен. Согласился. И пробыл там целых пять лет

Только осенью 2005 года меня направили в Минск.

— Общеизвестно, что Вы довольно неплохо знаете белорусский язык. Откуда?

— Я всё понимаю и могу более-менее правильно разговаривать. Наверное, у меня есть некая внутренняя установка: когда приезжаю в страну, то всегда стараюсь вникнуть в суть ее народа, в суть культуры, традиций и т.д. А для этого желательно знать язык. Понятно, что в Беларуси ситуация в лингвистическом плане несколько

специфична. К сожалению, сами белорусы не все говорят на белорусском языке.

Однако для меня изучение национального языка весьма важно и интересно.

Белорусским начал заниматься еще в Санкт-Петербурге. Там в то время работала преподаватель из БГУ, которая успела дать несколько уроков. Этакий краткий курс – своеобразное введение.

А всерьез занялся изучением языка уже тогда, когда сюда приехал. Поначалу это было два раза в неделю, сейчас - минимум один. Урок обычно длится полтора часа.

Поначалу были сложности. На русском было говорить гораздо проще, но со временем я этот барьер преодолел. Перестал бояться и стесняться. Начал говорить, совсем не думая о каких-либо шероховатостях. Изучение любого языка проходит успешно, прежде всего, через практику общения. Я точно не помню, когда конкретно заговорил на белорусском, но уже прошло около года.

Сейчас, когда кто-то на нем говорит, с удовольствием тренируюсь. Видимо, к изучению языков у меня есть определенные склонности. Но сказать, что все дается легко и просто, нельзя. С наскока ничего не получится. Языком надо заниматься серьезно.

Честно говоря, не ожидал, что это обстоятельство привлечёт столько внимания. Людям нравится, когда иностранец начинает говорить на их родном языке. Ни разу не видел, чтобы у кого-то это вызвало негативные эмоции. Обычно, когда я даю интервью или где-то выступаю, то делаю это преимущественно на белорусском, хотя на русском пока и немного проще. Уровень выше. Почти двадцать лет изучаю его. Приятно,

когда имеет значение то, что интересуюсь языком. Я только рад, если кто-то это воспринимает, как знак поддержки, ведь в сегодняшних условиях положение белорусского языка довольно непростое.

Кроме того, у меня много знакомых в области искусства - писателей, музыкантов, художников. Очень интересные люди. Мое знание белорусского языка всегда вызывает у них только положительную реакцию.

Был такой случай. Проходил очередной кинофестиваль «Лістапад». Мне четырежды пришлось подниматься на сцену за призами для шведского режиссера. Проходило это в «Палацэ Рэспублікі». Когда, в знак благодарности, заговорил на белорусском языке, это вызвало просто бурю эмоций, что еще раз убеждает меня в правильности сделанного выбора. Я нисколько о нем не жалею. Наоборот, повторюсь, немного удивлен, что это вызывало такой резонанс в белорусском обществе.

— Дипломаты обычно не очень любят рассказывать про свои семьи…

— Жену зовут Вероника. Больше двадцати лет назад мы познакомились в Москве, откуда она родом. С 1987 года Вероника живет в Швеции.

Впервые встретились на основе «языка». В МГУ я изучал русский язык, она шведский. Так что интерес был взаимный - лингвистический, переросший затем в нечто большее.

У нас трое детей.

Ксения, Александра и Эммануил.

В первый год пребывания в Минске они все ходили здесь в школу. Есть такая международная школа с обучением на английском языке.

Старшей, Ксении, 16 лет, а младшему, Эммануилу, скоро исполнится 10. В прошлом году Ксения поступила в шведскую гимназию. Живет в Швеции в интернате. Естественно, иногда приезжает.

— Традиционный вопрос про хобби?

— Я очень люблю путешествовать. Мне трудно усидеть на одном месте. Всегда куда-нибудь еду.

Когда есть возможность, открываю для себя что-то новое. Какой-то город или просто красивое место. Это поблизости.

Во время отпуска едем куда-нибудь подальше. Например, в Швецию.

Бываем в Санкт-Петербурге и Москве.

Сумел съездить в Киев, Варшаву, Литву.

С удовольствием езжу по Беларуси. К сожалению, успел побывать не везде. Видел только основное.

— Насколько мне известно, есть еще одно увлечение – белорусская культура?

— Да. Наверное, в самом начале здесь был чисто корыстный интерес. Хотелось больше подарили мне свои книги, так что читал их в оригинале еще и по этой причине. Когда есть возможность, смотрю театральные представления. Часто бываю в Купаловском театре. Также высоко ценю Свободный театр.

Хожу на концерты белорусских музыкальных групп.

Словом, культура меня интересует в самом широком понимании. Приглашают на многие мероприятия, но, к сожалению, не везде успеваю.

Как видите, после всего этого свободного времени остается немного.

— Благо, это не помешало перевести на шведский язык повесть Василя Быкова?

— Совершенно верно.

Планирую сделать еще переводы, но ничего сегодня обещать не могу – работа, семья. Перевод – достаточно серьезное дело. Но посмотрим…

— У вас на пальце очень оригинальный перстень.

— Это я летом сделал себе подарок. Есть такой шведский остров в середине Балтийского моря. Готланд. Интересное место. Там много овец. Это как бы символ острова. Случайно нашел в магазине перстень из серебра с изображением головы барана. Мне очень нравится.

25.09.07

ДИПЛОМАТ И ИСТОРИК ГЕБХАРДТ ВАЙС

Посол д-р Гебхардт Вайс стал послом Германии в Беларуси совсем недавно – летом. И очень быстро начал понимать наши реалии. Наверное, одной из главных причин является его очень хорошее знание русского языка. С этого вопроса и начался наш разговор.

— Русским языком я начал интересоваться еще в 60-е годы прошлого века, – рассказывает Гебхардт Вайс. – Это было желание, которое совпадало с моим личным политическим созреванием. Я принадлежу к тому молодежному поколению, которое задавало родителям и дедам вопросы насчет их места в период фашизма, когда шло массовое уничтожение на Востоке. Это было время холодной войны. Нам говорили, что с той стороны барьера — ужасный враг. И молодым, естественно, хотелось понять суть происходящего на самом деле. Чтобы сделать это лучше, я и начал изучать русский язык. Со временем мне все больше и больше нравились разные направления русской литературы.

Вначале были курсы, а потом, на каникулах, весьма

интенсивно с помощью магнитофона я продолжал обучение. Позднее довелось пообщаться с русскими, то есть непосредственно с носителями языка.

Первый раз перед мавзолеем оказался, кажется, в 1967 году. В начале семидесятых еще раз побывал в России. Жил в Москве, Ленинграде много общался с людьми. Я бы не назвал себя человеком, очень склонным к изучению иностранных языков, но это помогло довольно сильно.

В 1972 приехал в Москву готовить свою докторскую диссертацию и проработал там год.

В 1977 году стал доктором философских наук. Моя диссертация была на тему реформ Александра II. Затем были фазы, связанные с языковой практикой, которые пришлись на работу в нашем МИДе. В 1977 году работал в Москве в посольстве Германии. Это было время застоя. Имел честь видеть лица Брежнева, Громыко, Суслова … Словом, всех, кто тогда руководил СССР. Затем служил в Кении, на Сейшельских островах. Потом вновь занялся вопросами отношений между тогдашними Востоком и Западом и, главным образом, политикой Советского Союза. С большим интересом мы наблюдали, как в восьмидесятые годы по объективным причинам менялись условия политической и повседневной жизни людей. Как к власти пришел Горбачев, которого и сейчас очень уважают в Германии. Как в связи с этим менялась ситуация в центрально-европейском пространстве, что происходило в Венгрии, Польше, Чехословакии, ГДР.

Новый исторический этап для Европы начался в связи с объединением Германии, то есть с октября 1989 года.

— А почему вы вообще решили стать дипломатом?

— Возможно, это связано с моим воспитанием. В нашей семье было трое детей, которые родились до конца Второй Мировой войны. Родители прочувствовали все ужасы, связанные с фашистским режимом. Им очень хотелось, чтобы дети стали совершенно новым поколением, тем, что вкладывается в такое емкое понятие - ребенок мира.

Дипломатом я стал очень рано – еще в детстве всех мирил, если возникали какие-нибудь ссоры или драки. Может, поэтому и профессию такую выбрал.

— Но первоначально вы занимались исключительно научной работой?

— Действительно, я довольно успешно работал в научной области, но мне показалось, что моему характеру, устройству интеллекта больше подходит некая смесь, где есть теоретические обобщения и конкретные действия. Люблю быть одновременно и аналитиком, и организатором. Понял, что для меня только работать над научными статьями, книгами, даже если это очень интересно по тематике, недостаточно.

— Потому вы и решили стать дипломатом?

— Да. И осуществить это у нас это довольно нелегко. Необходимо успешно пройти специальный отбор, хорошо знать иностранные языки. Состязание длится полторы недели. Экзамены есть как письменные, так и устные. Конкурс очень высокий. В моем случае из нескольких сотен претендентов для учебы в дипломатической школе (это форма дипломатической академии) выбрали только 30 человек.

К слову, тогда я и сам не понял, почему выбрали именно меня. Однако дальнейшее развитие событий показало, что выбор был относительно правильным.

— А у вас есть что-нибудь типа наших институтов «международных отношений»?

— Не совсем. Пойти после школы «учиться на дипломата» в Германии невозможно. Специфика в том, что в Германии дипломатами становятся специалисты из совершенно разных областей. У нас есть теологи, врачи, историки и т.д. За два года они получают одинаковое для всех еще одно образование. Первый год – разные теоретические занятия. Например, в области международного права, экономики. Естественно, есть и курсы совершенствования личности, где изучается, как нужно вести себя в рамках интервью или с помощью какой техники можно овладеть конкретной аудиторией, то есть все, что связано с публичным поведением дипломатов. Не было только курсов по организации венских балов, ибо это считалось не очень современным.

— С дипломатическим выбором всё более-менее понятно. А почему Вы выбрали историю?

— Наверное, в этом «виноват» один из моих учителей в гимназии. Когда мы сдавали экзамены на аттестат зрелости, он попросил сравнить французскую революцию с октябрьской. А я подумал, что это, наверное, судьба. Меня спросили именно то, чем я очень интересовался. Это был шанс ответить на отлично. Получил «шестерку».

— У вас же пятибалльная система?

— Шутка. Это значит выше высшего балла.

Возможно, успех и повлиял на решение.

Но не только он. В тот период в рамках наших университетов можно было самостоятельно осваивать и другие предметы. Сегодня университеты ближе к высшей школе, а тогда было все несколько проще – этакие очаги интеллектуальной свободы. Я позволил себе сочетать самые различные направления. Например, мог попасть на занятия сравнительного литературоведения, или на курсы психологии, лекции и семинары по педагогике, какой-либо политической науке. Словно внутренний голос мне подсказывал, куда нужно идти и что слушать. Сегодня я очень этому благодарен. Возможно, они и повлияли на то, что и сейчас я очень люблю. Речь о творческом, открытом, неограниченном взгляде на многие вещи. К слову, есть среди них и политические вопросы. Это очень важно и во многом объясняет то, почему я начал здесь свою работу без каких-либо предубеждений.

— А почему именно Александр II?

— О! Это очень интересно. Причем не только для России, но и для всей Европы. Содержание реформ было связано с вопросами свободы. Именно после Крымской войны началась работа по отмене крепостного права. Это серьезная попытка дать крестьянам формальную свободу, но в жизни все сложилось по-другому. Для того, чтобы состоялись реальные изменения, нужно было провести реформы всей системы. Создать новые структуры, прежде всего, местного управления. Было несколько вариантов, как это сделать. Один — на основе надзорного управления, то есть, все по-имперски авторитарно управляется из

центра. Другой — на основе некого самостоятельного управления на местах.

Соотношение между центром и регионами везде, где есть человеческое общество, всегда является одним из главных вопросов. Это я видел в Хорватии и Казахстане, наблюдаю сейчас и здесь. Это главный стратегический вопрос внутренней политики, ведь речь идет о правильном, современном построении политических соотношений и реалий на основе свободы.

— В Беларуси Вы совсем недавно. Какими были Ваши первые впечатления?

— Возможно, не только метеорологические причины повлияли на мое восприятие. Когда я приехал сюда, в Беларуси стояла жара итальянского лета. Это очень положительно повлияло на мое восприятие. Была традиционная «летняя пауза», поэтому мои первые встречи бы не столь интенсивными. Из них чисто политических всего лишь несколько.

Контакты с коллегами из МИДа, сотрудниками нашего посольства. Встреча с президентом по случаю вручения верительных грамот. Из всего этого у меня сразу сложилось хорошее впечатление. И я понял, что после Казахстана попал в европейскую страну, в город, который является европейским не только в географическом смысле.

— Где Вы уже побывали и куда хочется съездить в ближайшее время?

— Я в самом начале пути. Вполне закономерно, что сразу нужно познакомиться с самым центром страны — Минском. В рамках правительства,

парламента, средств массовой информации, учреждений области культуры, науки и т.д. Первые контакты у меня были фактически во всех сферах.

Я очень тронут тем, что везде почувствовал определенную симпатию к представителю Германии, который только-только начинает работать. Мое впечатление, что люди смотрят на меня не только как на символ немецкой экономики. Я чувствую что-то другое. Где-то в подсознании ваших людей живет историческая память, связанная с теми страданиями, которые принесла Беларуси Германия в течение XX столетия. Особенно трогательно, что это не мешает им искренне и нормально вести диалог. Для меня подобное очень ценно и важно.

— Кроме дипломатической работы, чем Вы еще занимаетесь?

— В принципе, я очень ленивый человек. Мне нужна определенная рабочая дисциплина. Люблю просыпаться рано – около шести утра.

— Вряд ли это можно назвать временем ленивых…

— Люблю до начала работы что-то почитать из области, например, психологии или социологии. Что часто совсем не связано с профессией. Регулярно прыгаю на гимнастическом батуте. Это очень полезно для человека, который работает в подобном ритме, то есть много сидит за рабочим столом.

— Где, если не секрет, Ваш батут?

— Дома. Это такой небольшой гимнастический снаряд.

Вокруг резиденции есть сад. В летний период я любил сам там чем-то заниматься. Скажем, косить траву.

Когда было тепло, часто гулял по городу, «знакомился» с разными улицами. Мне нравится его архитектура. После войны архитекторы заложили предпосылки для дальнейшего развития Минска. Это чувствуется.

Замечаю, как людям нравится жить в очень чистом городе. Я бы сказал, что в этом плане Минск мог бы быть хорошим примером многим европейским городам. В том числе и некоторым немецким.

09.10.07

ДВЕ «МОВЫ» ЛЮБОМИРА РЕГАКА

Конечно, Временный поверенный Словакии в Беларуси Любомир Регак знает языков гораздо больше. Точнее - шесть. И это кроме словацкого. Но мы разговаривали только на двух. Любопытная закономерность. Аккредитованные в Минске иностранные дипломаты порой употребляют белорусский язык чаще некоторых белорусов...

— Начнем с самого начала, то есть с детства?
— Родился в Чехословакии.

— Это понятно.
— **(Смеется – прим. автора)**. Можно родиться и в другой стране.

Моя родина – маленький город, который считается столицей словацкого пива и называется Топольчаны. Славянское название. Наверное, произошло от «тополей». В окрестностях очень много старинных

усадеб. В одной из них музей Пушкина, потому что туда на каникулы к сестре ездила Наталья Гончарова с детьми Александра Сергеевича.

— Я в тех краях «встал» на горные лыжи…

— А я перестал на них кататься после того, как сломал ногу.

Моя мама всю жизнь работала в бюро путешествий. Папа преподавал в техникуме. Из пяти детей я - четвертый. У меня три брата и сестра. Семья даже для тех времен не очень типичная. Но есть большой плюс — когда больше детей, всегда больше общения.

Примером государственного служащего для меня послужил мой дедушка, которого, увы, уже нет. Он начал работать еще при первой Чехословацкой республике. Продолжил во время военного Словацкого государства. Налоговая служба.

После войны он трудился на госслужбе совсем немного – попал под репрессии нового коммунистического режима.

Мой путь в дипломатию достаточно прямолинеен. Словацкое Министерство Иностранных дел – единственное место работы.

— А как Вы вообще попали в дипломаты?

— После школы. У нас двухступенчатая система. Восемь классов основной школы, а потом четыре года гимназии. Последний год (в те времена) можно было пройти обучение в специальной школе, где готовили к учебе за рубежом. На всю Словакию она одна, туда принимали только после сдачи экзаменов. И ставку там делали на углубленное обучение иностранных языков.

Тех же, кто оставался в Словакии, автоматически направляли в вузы, которые нас рекомендовали. В моем случае это юридический. Мне нравились гуманитарные науки, хотелось быть юристом.

Но не получилось. Меня пригласили поступать на факультет международных отношений в МГИМО. Поступил, и очень этому рад. Специализировался по Португалии и Бразилии, ибо у них один язык. К слову, сами мы не могли выбирать специализацию. Кто-то получил арабский Восток, кто-то - Китай.

Учеба совпала с замечательными временами. Это была, если так можно сказать, продвинутая перестройка. Открылись архивы, каждую неделю в свет выходило что-то неизвестное. Много новой информации, постоянный обмен взглядов – для меня это было очень интересно. Гораздо интересней, нежели бы я учился в тогдашней Чехословакии, где вплоть до революции 1989 года правил настоящий застой. В МГИМО я впоследствии защитил и кандидатскую диссертацию.

После окончания МГИМО начал работать в Министерстве иностранных дел Словакии. Произошло это за несколько месяцев до разделения Чехословакии. Получается, я в нашем МИДе работаю с самого начала.

Уже летом 1993-го у меня состоялась первая долгосрочная командировка. Это была опять Москва, где пробыл почти пять лет. Оттуда мы были аккредитованы в Беларуси, и я ездил сюда несколько раз в рабочие командировки. В том числе принимал участие в 1995 году и во вручении нашим послом Александру Лукашенко верительных грамот. Прекрасно все помню. Было интересно послушать нового молодого, динамичного президента.

Потом был центральный аппарат словацкого Министерства иностранных дел. Затем меня на четыре года направили заместителем посла в Португалию. А потом опять вернулся в наш МИД, был на посту европейского корреспондента МИД — координатора по вопросам внешней политики Евросоюза как раз во время нашего вступления в Европейский Союз.

В 2006 году послали в Минск. Так я впервые стал руководить посольством.

— А как Ваши братья и сестра?

— Все братья занимаются бизнесом. Сестра Юлия работает в аптеке. Муж у нее врач. Так что это семейно-профессиональное.

— А какая семья у Вас?

— Типично дипломатическая. Жену «нашел» на работе, что бывает очень часто. Зовут ее Дана. Вместе работали в посольстве в Москве. Днями было 10 лет со дня нашей свадьбы. В Москве и поженились.

Попросили нас обвенчать словака – архиепископа Доминика Грушовского, который работал Апостольским нунцием именно в Беларуси. Он по нашей просьбе специально приехал в Москву.

Жена была вынуждена скорректировать свою карьеру и скопировать мой путь. Хотя она и сама работает сейчас в словацком МИД.

У нас две девочки.

Имена мы выбирали старинные и весьма красивые. Одну назвали в честь прабабушки Магдаленой. А другую Альжбетой (по-русски, наверное, будет Елизавета).

Младшая очень счастливый ребенок, ходит здесь

в детский садик.

Старшая учится в столичной русскоязычной гимназии. Но и к белорусскому языку тоже имеет отношение - занимается в воскресной школе в костеле на Золотой горке. Он ближе всех к нашему дому и больше других ей нравится. Маленький, уютный, похожий на словацкие деревенские костелы. Готовится к первому причастию.

— А кроме работы, чем занимаетесь в свободное время?

— Должен сказать, что его очень мало. У дипломатов нет твердого графика работы. Иногда приходится трудиться почти целые сутки.

После рождения дочерей я был вынужден скорректировать свои интересы. Так чтобы они совпали с интересами детей и возможностью побольше быть с ними.

Увлекаюсь музыкой, немного играю на пианино. Очень люблю Баха, особенно его органные сочинения и мессы.

Люблю поэзию.

Всегда изучаю историю той страны, где нахожусь.

Очень помогает в общении. Часто путешествуем.

— Мои коллеги всегда просят рассказать о том, какими Вам показались белорусы?

— Наверное, это самый распространенный вопрос. И очень сложный. Как я нашел здесь добрых, приветливых людей, так и нашел им прямо противоположных. Подобное есть в любой стране. Речь лишь о соотношении одних и других.

Настоящим открытием для меня стало то, что эта

земля имеет такой исторический заряд. И об этом как — будто специально не говорят. Взгляните на карту Великого Княжества Литовского…

— Я заметил, что она висит у Вас на стене.

— Белорусам нужно гордиться своей историей. Здесь же все «тутэйшыя».

Нельзя ее ограничивать только 1994-м, 1917-м годами или третьим разделом Речи Посполитой.

Когда Словакия обрела государственный суверенитет, нам тоже пришлось многое в своей истории заново осмысляивать. Она, как и у вас, очень древняя. Белорусы могут многим гордиться, но надо находить и достаточно рассудительности, чтобы трезво, критически взглянуть на те эпохи, которые подвергались фальсификациям и мистификации.

— А русский язык Вы выучили в Москве?

— Нет, еще в Чехословакии. У нас это было «обязаловкой». Учили с пятого класса. Естественно, как и все обязательное, многие его недолюбливали. А мне русский язык нравился с самого начала.

— **А белорусский?**

— Адкрыццё. Калі я раней наведваў Беларусь, бачыў, што гэта нешта іншае, але вельмі падобнае на расійскую мову. А тут (унікаючы глыбей) убачыў, што гэта зусім не варыянт мовы расійскай. Для мяне, як славака, нелагічна тое, што адбываецца з беларускай мовай у часе, калі ўсюды побач бачым сапраўдны рэнесанс нацыянальных моваў і культураў, зварот да сваіх крыніцаў, прыдушаных былымі імперіямі.. Калі б мае продкі ў XIX стагоддзі не адваявалі славацкую, мы

бы зараз, можа, размаўлялі б па-венгерску альбо па-чэшску. Жаданне людзей размаўляць на той мове, якая выжыла праз стагоддзі, цалкам зразумелая рэч. Тое, што беларуская мова жыве, – цудоўна!

Можа, яе цяжка пачуць у Мінску, бо тут жыве шмат людзей з іншых краін былога Савецкага Саюза.Але ў правінцыі і сярод інтэлектуалаў на ёй у рэальным жыцці насуперак насільнай асіміляцыі размаўляе даволі шмат людзей, што вельмі прыемна. Гэта сапраўды вялікая і прыгожая мова. Яна, кажучы па-славацку, “любазвучная”. І бліжэй да нашай, чым расійская.

Да рэчы, я пераклаў на славацкую мову некалькі вершаў Ніла Сымонавіча Гілевіча. І дапамог Васілю Сёмуху перакласці на беларускую вершы вядомага славацкага паэта Павала Орсага-Гвездаслава, якія ўпершыню гучалі сёлета ў сакавіку падчас першай агульнабеларускай дыктоўкі, у якой я з вялікім задавальненнем таксама прыняў удзел.

25.04.08

«РУССКИЙ» НЕМЕЦ ХОЛЬГЕР КРЕМЕР

Наверное, этого дипломата знают почти все журналисты столицы Беларуси. И объясняется все очень легко. Бывший первый секретарь немецкого посольства Хольгер Кремер не просто работал с прессой. Он искренне дружил со многими белорусскими журналистами. Впрочем, прошедшее время здесь неуместно. Более точно будет – дружит. Несмотря на то, что работает сейчас в далекой Кении.

— Откуда Вы родом?

— Я – деревенский мальчик. Все детство, юность, студенческие годы жил на самом западе Германии, в деревне, в 25-и километрах от Кельна (четвертый по величине город страны). К слову, в Кельн я ежедневно ездил в университет.

В студенческое время провел почти полгода в

России, точнее - в Волгограде. Первые два года работы в немецком МИД был, в основном, в Бонне, тогдашней столице Германии, а на выходные ездил в деревню.

По-настоящему уехал оттуда лишь в 2000-м году, когда начал работать в Минске.

— Как и почему решили стать дипломатом?

— Затрудняюсь ответить. Начнем с того, что «решить» такое невозможно в принципе. Можно хотеть стать дипломатом (как известно, хотеть невредно), но возьмут ли тебя в МИД? Это несколько другой вопрос. Меня, к счастью, взяли. Произошло все в 1998 году, из 1600 желающих выбрали только 14.

Класса с десятого у меня была мечта стать дипломатом. Откуда она взялась? Честное слово, не знаю. В нашей семье никакой традиции работать за границей или стать чиновником не наблюдается даже близко. У меня два брата. Один – слесарь, другой – банковский служащий. Отец – тоже служащий, долгие годы работал на промышленном предприятии.

А мне почему-то казалось интересным общаться с людьми из других стран, бывать то в одной, то в другой. Плюс к этому, всегда (ну, скажем, лет с 15-ти) интересовался внешней политикой, так как мне казалось, что в ней решаются самые важные вопросы. В крайнем случае, вопросы войны и мира. Но точно сказать, почему дипломатия стала моей мечтой, не могу. Ничего другого по этому поводу в мою голову так никогда и не приходило.

— Чем предпочитаете заниматься в свободное от работы время?

— Активным и пассивным спортом.

Что касается активного – бегаю относительно регулярно. В прошлом году совершил первые два полумарафона моей жизни. Посмотрим, дойдет ли до того, что можно будет убрать приставку «полу»…

А что касается пассивного спорта, то здесь поле широкое: люблю футбол, а также всякие другие виды – американский баскетбол, гандбол и т.д. В грядущем августе буду, в основном, сидеть у телевизора. Олимпиада в Пекине.

Еще для меня очень важна музыка. К сожалению, только в пассивном смысле. На активную роль не хватило ни таланта, ни энергии, хотя когда-то я пробовал играть на саксофоне.

В музыке люблю многое, но отнюдь не все. Очень нравится джаз, в основном классические «биг-бенды» и разные выдающиеся саксофонисты. Потом «гиганты» поздних 60-х и ранних 70-х годов — Beatles, Rolling Stones, The Who, Led Zeppelin, Deep Purple. Уважаю классику, особенно Бетховена. Из русских и советских команд предпочитаю «Кино» и DDT. Виктор Цой все время напоминает мое «волгоградское прошлое“.

Люблю также (кто бы подумал!!!) читать. Предпочитаю хорошую историческую литературуё особенно биографическую. Из художественной мне очень близка русская классика XIX века. Если б задали вопрос по поводу необитаемого острова, где ты один и можешь взять только одну книгу, то я бы, наверное, выбрал «Преступление и наказание».

— Откуда такое знание русского языка?

— История не короткая. Началось с того, что в школе три года занимался русским. Начал в 1984 году. Тогда русский язык на западе Германии еще считался

настоящей экзотикой. Много не выучил, но понял, что он дается мне относительно легко, да и в принципе не помешает знать язык, который, кроме тебя, никто не знает. Плюс к этому, когда я заканчивал школу, на политической сцене уже появился Горбачев и, казалось, что со знанием русского языка в будущем могут быть связаны весьма интересные (хоть и не очень ясные) варианты.

Потом, на протяжении девяти месяцев, весьма плодотворно занимался им во время военной службы. По пять уроков каждый день. Это было время, когда существовала ГДР, а в ней находились полмиллиона советских войск. Поэтому в нашей (западногерманской) армии обучали отдельных людей русскому, чтобы те потом могли работать, скажем, в радиоэлектронных войсках. Правда, в моем случае до применения знаний в военной области уже не дошло. Вскоре и ГДР не стало, и советские войска уехали.

После военной службы я уже точно знал, что хочу продолжить «российский вектор», поэтому в университете выбрал, наряду с политологией и восточно-европейской историей, еще и славистику. А на практику на полгода поехал в Волгоград. Было это на рубеже 1990 и 1991 годов. Жил в студенческом общежитии вместе с русскими ребятами, которые значительно расширили мой словарный запас. Причем не только официальный... Кроме того, познакомился с девушкой по имени Лена, которая не знала ни немецкого, ни английского. Так что пришлось заняться русским языком по-серьезному…

С тех пор, русский язык и русскоязычные люди всегда были очень важной частью моей жизни. Даже здесь в Кении мы с женой Катей кое-кого уже нашли.

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье? Как познакомились с женой? Кто она? Откуда?

— С женой мы познакомились в очень опасном месте для холостяков – в Минске. Мне многие с самого начала предрекали, что я оттуда уеду не один. Я всегда отвечал, что можно поспорить. Дескать, уеду неженатым. Этот спор я выиграл. Правда, через три с половиной года после того, как покинул Минск, мы с Катей на женитьбу все же решились.

Она, как вы уже догадались, белоруска. По образованию – социальный педагог и преподаватель немецкого языка. Возможно, педагогические навыки и помогают ей со мной общаться. Характер-то у меня далеко не всегда легкий.

Она родилась в Вильнюсе, а с 16-ти лет жила в Минске, так как отец у нее – белорус.

Познакомились мы с ней (плачевно банально) на работе. Она устроилась к нам в посольство спустя три месяца, как я начал там работать. Причем, в день моего рождения. Восточные славяне, которые, на мой взгляд, иногда грешат фатализмом, наверное, скажут – «Судьба!». Кстати, в нашем посольстве в Минске работает очень много красивых, умных, очаровательных девушек. Но даже в этой команде не заметить особое обаяние и качества Кати было просто невозможно.

—Знаю, что Вы яростный футбольный болельщик. А как с этим делом сейчас? За кого будете болеть на чемпионате Европы?

—Ну, слово «яростный» мне что-то не очень нравится. Без фанатизма, пожалуйста.

Но человеком, для которого футбол достаточно

важен, я так и остался. Правда, в Кении, где нахожусь в данный момент жизни, именно немецкий футбол, к сожалению, показывают не часто. Так что матчи моей любимой «Баварии» смотрю здесь довольно редко. Тем не менее, а точнее, тем более, очень обрадовался, что «мы» снова выиграли оба немецких титула – кубок и чемпионат.

За кого я буду болеть на чемпионате Европы? Догадайтесь сами!

— Как и многие немцы, Вы любите пиво. А что предпочитали пить в Минске и что предпочитаете сейчас?

— Да, я на самом деле достаточно охотно пью пиво. В Минске это была «Балтика» (единичка, тройка, семерка). А здесь у нас, в Найроби ,самая распространенная марка — «Tusker» (от слова «tusk» — «бивень»), и она для меня уже стала «домашней маркой».

09.05.08

ЗНАКИ ДЖОНАТАНА МУРА

По модному сейчас восточному гороскопу Временный поверенный Соединенных Штатов Америки в Беларуси Джонатан Мур родился под знаком Тельца, но есть в его жизни и другие знаки. Однако обо всем по порядку.

— Откуда вы родом?

— Я родился 11 мая 1966 года в городе Нью-Брансуик, штат Нью-Джерси. Это счастливое совпадение, потому что именно Нью-Брансуик славится своими тесными связями с Беларусью—там живет много людей с белорусскими корнями. До того, как мне исполнилось 10 лет, я жил в разных городах этого штата, а в 1976 году мы поселились неподалеку от Чикаго, это уже штат Иллинойс. Там мы прожили 8 лет, а потом я перебрался на Восточное побережье Соединенных Штатов, чтобы учиться в университете. В общей

сложности проучился в Вашингтоне 6 лет, получил там степень бакалавра, а затем и магистра. Всего через восемь дней после этого поступил на дипломатическую службу, поэтому некоторые говорят, что я никогда не работал в реальном, настоящем мире, а прямо из университета попал в бюрократическую машину.

Работал в Европе, Африке, Вашингтоне, а также занимался научными исследованиями и читал лекции в Стэнфордском университете, что в Калифорнии.

Мой отец Джон сейчас на пенсии. По образованию он инженер-физик, имел свой бизнес.

Мать зовут Бетти-Эн. В течение многих лет она занималась общественной деятельностью, принимала участие в многочисленных политических кампаниях. Сейчас работает в одном из государственных учреждений.

Брат Кристофер — профессор университета в Нью-Мексико. Как и отец, Кристофер — физик. Он, в отличие от меня, унаследовал научные таланты нашей семьи, а я пошел по другому пути.

— Разве у Вас нет каких-нибудь дипломатических школ, и в дипломаты идут сразу после университетов?

—В университете я изучал историю, политологию и международные отношения. Моя учеба на степень магистра была посвящена изучению России и Восточной Европы. К первому назначению за рубеж меня готовили 14 месяцев.

— Молодой, говоря по-белорусски, хлопец учился-учился, и вдруг решил стать дипломатом. Почему?

— **(Смеется – прим. автора).** Хорошие мальчики и девочки тоже хотят стать дипломатами. Надеюсь, я отношусь именно к ним.

Эта идея появилась лет в 14-15. К тому времени я уже успел попутешествовать, был в Канаде, Европе. Мне всегда были интересны иностранные языки. Наверное, это гены, ибо некоторые мои родственники работали в правительстве Соединенных Штатов и были военными. Стремление послужить на благо своей страны передалось и мне.

В старших классах школы мы как-то беседовали о том, что США имеют дипломатические представительства по всему миру. Не помню точную дату, но очень хорошо помню обстоятельства того, как это произошло.

Мы изучали тогда историю войны 1812-го года и разговаривали с преподавателем о мирном договоре и Венском конгрессе. Один из моих одноклассников задал несколько наивный вопрос: «А у Америки есть посольства за рубежом?» Преподаватель ответил: «Да, конечно, но стать дипломатом очень-очень сложно. Я попытался – не получилось».

Меня это вдохновило, решил не только попытаться, но и добиться успеха. Вскоре ощутил на себе правоту учителя – стать американским дипломатом очень сложно. Из более чем трехсот миллионов американцев у нас только шесть с половиной тысяч дипломатов и консулов. Плюс технический персонал— это еще пять с половиной тысяч.

Чтобы стать дипломатом, нужно сдать два экзамена. С первого раза я не прошел, но мне тогда было всего 20 лет, потому пережил это спокойно. Через год сделал еще одну попытку, которая стала успешной.

На дипломатической службе более 18-ти лет.

— Пожалуйста, расскажите немного о своей служебной карьере. Чисто схематично.

— Моим первым назначением был Белград. Июль 1991 года.

— Значит, Вы еще застали Слободана Милошевича?

— Совершенно верно. Перед поездкой я целенаправленно изучал сербский язык. Работал в административном и консульском отделах. Тогда наше посольство было одно на всю Югославию, в нем работало около ста американцев, но потом их число было уменьшено до 30 человек. Произошло это после того, как мы признали независимость Хорватии, Боснии и Словении. Приобретенный тогда опыт помог справиться и с нынешней ситуацией …

Во время моего пребывания в Белграде часто ездил по республикам бывшей Югославии — Черногории, Словении, Хорватии. Несколько раз бывал в Косово. А в Сараево был в апреле 1992 года, когда война только начиналась. Как видите, с точки зрения академического изучения предмета, возможности были очень хорошими. Что же касается эмоций и личностных нюансов, то нам было очень сложно, так как среди сербов у нас немало друзей.

Из Белграда вернулся в Вашингтон и в течение двух лет занимался югославскими вопросами в Госдепартаменте США, специализировался на вопросах гуманитарной помощи Боснии, а также проблемах Сербии и Черногории. К слову, наши отношения с Сербией тогда были очень плохими. Я был в

Вашингтоне тем человеком, который вел дела с Временным поверенным Милошевича. Диалог поддерживался на высоком профессиональном уровне, был прямым и открытым. Нечто подобное происходит и сейчас. Очень важно поддерживать диалог.

Затем в течение четырех лет я работал в Прибалтике. Мне хотелось получить направление именно туда. В университете изучал русский язык, а моя магистерская диссертация была посвящена Калининградской области. Когда мне предложили возглавить политико-экономический отдел американского посольства в Литве, очень обрадовался. Прошел курс литовского языка и приехал в Вильнюс в 1995-ом году. Удивительно красивая страна. В то время она находилась в поиске своего будущего пути развития. Страна еще не была членом НАТО и Европейского Союза, но двигалась именно в этом направлении.

В 1996-м году с семьей побывал в Латвии и Эстонии (впервые был там студентом за 10 лет до этого). Предоставился также шанс посетить Калининградскую область. Это было очень интересно, так как, когда я работал над диссертацией, она была еще закрытой для иностранцев. Несколько раз посещал Беларусь и был лично знаком с человеком, который тогда занимал должность заместителя нашего посла. Мне было интересно лучше понять соседей Литвы, увидеть ситуацию своими глазами.

После работы в Литве захотелось каких-нибудь перемен, например, вновь вернуться на Балканы. Но произошла счастливая случайность. Литву посещали очень много чиновников из Вашингтона. В мои обязанности входило сопровождение делегаций американского Конгресса. Одной из них (довольно

большой) руководил тогдашний спикер Палаты представителей. Я познакомился с его подчиненными. Они-то и предложили стать членом его команды, вернуться на год в Вашингтон. Я согласился.

Работал в Капитолии, в известном белом здании. Пожалуй, это лучшее из мест, где мне приходилось и еще придется работать.

Меня особенно поразил тот факт, что там очень мало бюрократии. По протоколу спикер гораздо выше рангом, чем Госсекретарь или любой из помощников президента. А в его команде работало лишь 25 человек. Это очень наглядный контраст тому, как функционирует Государственный департамент. Я был советником по внешней политике. Объем моей работы для спикера в Госдепе делали бы 20 человек.

Самой «странной» вещью работы в парламенте стало то, что мои коллеги из Государственного департамента забыли обо мне как о дипломатическом работнике. **(Смеется – прим. автора).** Они меня попросту „потеряли", хотя находились всего в трех километрах.

Но, в конце концов, «воссоединение» произошло, и я стал работать заместителем начальника управления, которое занимается вопросами России. Это совпало со временем, когда президенты Буш и Путин только-только вступали в свои должности, потому мне сразу же довелось поучаствовать в работе над их первыми контактами. Например, входил в состав многочисленной делегации во время визита Буша в Москву.

Было много предложений по поводу дальнейшей работы именно там, но жизнь распорядилась иначе. К тому же хотелось, чтобы моя семья увидела ту часть

света, которую они еще не видели. Словом я, стал заместителем нашей дипломатической миссии в Намибии. Как Литва или Беларусь, она обрела свою независимость совсем недавно, точнее, 18 лет назад. Это молодое государство.

Интересы США в ней немного не такие, как, скажем, интересы в Европе. Например, в этой стране нас не беспокоило соблюдение прав человека. В Намибии выборы проходят демократично, честно. Там более актуальны гуманитарные проблемы, и, в первую очередь, та, что связана с распространением ВИЧ, которым инфицировано 20% населения, то есть каждый пятый. Очень горжусь, что был участником программы, в результате которой в Намибию ежегодно поступало свыше 150 миллионов долларов.

Затем была Беларусь, где открылась вакансия заместителя посла. Но перед этим довелось 10 месяцев заниматься исследованиями и преподавать в Стэнфордском университете. К слову, побывав в экзотической Африке, я ни разу в жизни не был в Калифорнии. Для мальчика, который вырос в Чикаго и на Восточном побережье, все там было очень необычным, это совершенно другой мир.

В Беларусь мы приехали почти два года назад, а назначили меня сюда на три. В июле 2009-го года должен ехать на должность заместителя посла в Боснию и Герцеговину. Вновь вернусь на Балканы, где началась моя дипломатическая карьера.

— Всё о работе. Вы же, наверняка, живете не только ей?

— Естественно.

Семья. Для меня это очень важно. Я бы даже

сказал — самое важное.

У нас есть традиция: вместо того, чтобы отправляться на какой-нибудь курорт, мы в отпуск ездим в Америку, где собираемся большой семьей. Отец, мать, брат, другие родственники.

Мне нравится читать своим детям книги, играть с ними. Наши музыкальные вкусы не совсем совпадают, но это их выбор. Помогаю делать домашние задания. Считаю большим везением, когда удается найти фильм, который нравится нам всем.

Должен также признаться, что, кроме этого, у меня есть зависимость от интернета. Хочу принести извинения журналистам, которые работают в печатных изданиях, но большую часть информации получаю из «всемирной паутины».

Конечно, я поддерживаю связь с друзьями и семьей в США с помощью электронной почты. Это очень удобно. Когда я 18 лет назад стал дипломатом, к сожалению, такой возможности еще не было. Многие контакты были тогда утрачены. Сейчас с помощью интернета они восстанавливаются.

Кроме этого, я немножко коллекционер. Мне нравится покупать по Интернету то, что меня интересует.

— И что вы покупаете?

— Вещи, которые многим людям покажутся ненужными. А для меня они интересны.

Это очень специфическое американское хобби, но, когда мне было семь лет, я начал коллекционировать автомобильные номерные знаки. Системы регистрации автомобилей в разных странах отличаются очень сильно.

— Сколько в Вашей коллекции экземпляров?

— Около четырех с половиной тысяч.

В Соединенных Штатах, начиная с 1900-го года, автовладельцы должны были менять номера каждый год, а старые оставлять у себя. Для некоторых вешать номера на стены гаражей стало уже традицией.

— Очень большой вам нужен гараж…

— **(Смеется—прим. автора.)** У меня в Штатах номеров висит много, но большая часть хранится в коробках. Должен признать, что по мере того, как становлюсь старше, коллекционирую уже не так рьяно. На интернет-аукционах нахожу знак, который мне нравится, раз в две-три недели.

Кстати, и со своей женой я познакомился тоже благодаря своему хобби.

Я уже сказал, что начал собирать автомобильные номерные знаки в раннем детстве. И вскоре стал членом клуба, который объединяет всех, кто увлечен именно этим. В 13 лет познакомился с членом клуба, который интересовался международными номерными знаками.

У нас начался очень продуктивный обмен. Периодически встречался с ним и его женой на заседаниях клуба. Потом поступил в университет, и коллекционирование на время отошло на задний план. Вернулся к этому занятию только после окончания учебы. В клубе вновь встретил старых знакомых, которые познакомили меня со своей дочерью. И через какое-то время Дэйна стала моей женой.

Конечно, я не могу рекомендовать коллекционирование автомобильных знаков, как еще один способ знакомства с будущими женами, но в моем

случае это сработало. У нас с Дэйной две дочери— Кейтлин и Алисон. Сейчас они учатся в Минске, в международной школе.

— Традиционный вопрос. Что Вам в Беларуси нравится больше всего?

— Гостеприимство, открытость людей, желание побольше узнать об американцах. Это ощущается не только в столице, но и везде, где я бываю – будь то Рубежевичи или Морочь, что в Клецком районе.

Отдельно хочу сказать про климат. После Калифорнии и Африки думалось, что зимы не бывает вообще, а мне нравится климат, в котором есть все четыре времени года.

Кроме того, меня очень интересует история вашей земли.

— И последнее. Сколько в среднем стоит автомобильный номер?

— Это легко узнать в интернете. Цена зависит от множества факторов. Недавно вышедшие номера стоят 5-10 долларов.

Но бывают и другие случаи. Например, в 1933-м году была выпущена серия автомобильных номеров специально к инаугурации Президента Франклина Рузвельта. С тех пор выпуск номеров к инаугурации президента стал традицией. Но та серия была самой первой. Теперь они стоят 4-5 тысяч долларов.

Повторюсь, это весьма специфическое хобби. Для многих номер — кусок железа, а для коллекционера, который знает все нюансы и обстоятельства, он весьма любопытен.

18.07.08

РАБОТА, СТАВШАЯ ХОББИ

Банально, однако судьбы многих из нас, действительно, напоминают причудливые кружева, сплетенные мастерицей по имени Жизнь. Конечно, было бы разумно как-то обойти это старый словесный штамп, но уж больно он подходит к ситуации. У посла Израиля в Беларуси Зеева Бен-Арье узоры Жизни получились просто уникальными.

— Традиционная просьба рассказать о себе.

— Родился уже достаточно давно, 30 октября 1945-го года. В Харькове. Все мои родственники были врачами, и для родителей медицина была всем — профессией, призванием, мировоззрением, жизненным кредо и, если хотите, даже национальностью. Рос в

семье единственным ребенком.

Отец, Леонид Исаевич, достаточно поздно женился, и они с моей матерью (её звали — Елена Викторовна) уже не решались на продолжение рода.

Впрочем, все относительно… Мне сейчас 62-а года, а моей дочери год и 10 месяцев. Ему тогда было только 38 лет. По сравнению со мной совсем молодой.

К сожалению, он очень рано умер, в 58 лет.

Безусловно, среда, где я рос, сильно повлияла на моё воспитание. Главное в ней – служение человеку, высочайшая порядочность и готовность в любых условиях прийти на помощь. Надеюсь, именно так и получилось.

Это плюс. Минусом можно назвать то, что официально никакие национально-политические «нюансы» в семье не существовали. В реальности все было далеко не так. Мой дедушка, Виктор Моисеевич Коган-Ясный, очень известный врач (не только в харьковском, но и во всеукраинском масштабах) был арестован первым, когда печально известное «дело врачей» докатилось до Харькова. Он возглавлял Медицинское общество Харькова. Освободился только после смерти Сталина. Годы, проведенные в лагере, очень серьезно сказались на его здоровье.

Во время дипслужбы в Киеве мне удалось получить доступ к его «делу». Беспорядочные, смехотворные, совершенно необоснованные обвинения.

Жизнь в Харькове была тяжелой и безрадостной. Не в экономическом плане, потому что родители зарабатывали довольно неплохо (по харьковским меркам), а в смысле атмосферы, в которой мы жили. В этом плане 50-60-е годы были весьма суровыми. Прежде всего, в национальных подходах. Так

называемый советский интернационализм, по сути, представлял собой большевистскую русификацию. И был направлен в Харькове, прежде всего, на полное уничтожение любых проявлений украинской культуры, а украинский язык преподносился, как язык малограмотных людей. К сожалению, с подобным подходом мы порой сталкиваемся и в наше время, правда, сейчас уже не в Украине.

Разумеется, жертвами такого подхода являлись и евреи, потому что какое-либо проявление еврейского национального самосознания было еще более недопустимым, чем возрождение чего-то украинского.

В Харькове я прожил до 25-ти лет. Именно там закончил университет. Поначалу решил стать специалистом по математической лингвистике. И структурной, и прикладной. Потом захотелось стать специалистом по математической психологии. Начал интересоваться этой сферой и даже опубликовал, будучи студентом, несколько десятков работ.

— Как говорят молодые, это круто.

— У нас был руководитель, который очень любил публикации. В мою группу входило 6-7 человек. Любое наше исследование публиковалось за подписями всех членов группы. Таким образом, получалось, что у каждого было очень много всяких печатных работ. Когда я защищал диплом, то не делал это классическим образом — не писал текст. В дипломную папку положил более двух десятков своих публикаций.

Но, несмотря на это, продолжать занятия наукой не смог из-за антисемитизма, вылившегося в банальное отсутствие для меня в университете квоты. Хотя было хорошо, известно, что вакансии есть, но для меня ее

почему-то не нашлось. Хорошо помню: завкафедрой Григорий Иванович Середа (красавец, художник), когда я пришел и рассказал об этом, рисовал яблоко. Послушав меня, он возмутился: не может быть. И побежал к начальству. Через несколько минут вернулся, молча на меня посмотрел и, ничего не сказав, стал накладывать тени на яблоко, ибо сказать ему было нечего.

После этого я работал на разных, совершенно случайных, работах. Был транспортным рабочим.

— Грузчиком что ли?

— Можно сказать и так. С водителем «полуторки» мы приезжали на какую-то базу, что-то грузили, перевозили в другое место. Очень полезная для здоровья работа. Особенно зимой.

Как и следующая – почтальон.

Неофициально продолжал в университете научные исследования. Даже немного публиковался.

Потом мне повезло. Познакомился с харьковской группой будущих репатриантов, которая в 1970 году первой подала документы на выезд. Стало понятно, что именно это и мой путь — своеобразная реакция на притеснение всего национального. Возможность была эфемерной, мало, кто мне верил. Например, мать по этому поводу расплакалась и сказала, что слишком долго и тяжело носила передачи в тюрьму моему дедушке. На меня ей просто может не хватить сил. Такое у многих тогда было восприятие. Дескать, это не путь в Израиль, а путь в тюрьму.

Тем не менее, мне повезло. После года отказов и без тюремных заключений (обыски и краткосрочные задержания не в счет) в 1971-ом году удалось

репатриироваться в Израиль. Спустя 37 лет понимаю, что это было самым важным решением моей жизни.

В Израиле я попытался продолжить научные исследования. Но там математическая психология, которой я занимался, очень далеко ушла вперед. В СССР уже не называли кибернетику «продажной девкой империализма», но последствия этого чувствовались.

Когда в Израиле подал свой реферат, чтобы стать доктором наук, мне сказали: предложение очень интересное, но вы опоздали на 10-11 лет.

Затем предложили поработать на израильском радио, и я стал журналистом.

— Получается, что мы — коллеги?

— В некотором смысле – да. Я работал там, где готовили передачи на Советский Союз. Когда в 1992-ом уходил с радио, то был уже главным редактором, отвечал за все вещание на СССР. Что интересно, отвечал не только за передачи на русском языке, который знаю, но и за то, что шло на грузинском, бухарском и даже на тацском, о котором вообще не имел никакого понятия. Впрочем, пикантность здесь весьма относительна: обсуждалось содержание передач, а то, как они передавались, к сожалению, непосредственно проверить не мог.

Параллельно много печатался в газетах, вел выпуски новостей на русском телевидении.

После распада Советского Союза появилась необходимость устанавливать дипломатические связи с еще энным количеством стран. Если я не ошибаюсь, в восьми столицах бывших союзных республик Израиль открыл свои посольства. В МИД специалистов по этой части земного шара не хватало. Поэтому был объявлен

свободный конкурс. А я, после падения «железного занавеса», не раз ездил в СССР с лекциями, встречался с еврейскими общинами. Новое дело показалось очень увлекательным. Понимал менталитет «советских» евреев. Но понимал его уже с точки зрения коренного израильтянина. Конкурс выиграл и попал в небольшую группу, которую пригласили на работу в израильское Министерство иностранных дел. Потом была Украина, где я стал помощником посла и вместе с послом Цви Магеном открывал в Киеве первое израильское посольство.

Так стал кадровым дипломатом. После Украины полгода работал в Беларуси. Затем в России, опять в Украине и четыре года назад получил назначение посла в Беларуси.

— Но Вы ведь живете не только работой. Может, есть какое-то хобби?

— Иногда я говорю, что для меня хобби – работа посла, а настоящее призвание – литературный перевод. Еще в Израиле подготовил и издал несколько сборников израильской прозы на русском языке. Сделал это, потому что мне показалось: израильская проза очень-очень мало известна в мире. Точнее, была тогда. Сейчас стала более известной. Но, прежде всего, для англоязычных читателей.

Кроме того, меня подвигло к этому делу еще и низкое качество переводов, которые появились в семидесятые годы прошлого века. Сейчас уже уровень совсем другой. Появилась целая плеяда переводчиков. И выросших в Израиле, и очень опытных, приехавших из СНГ. Тогда было мало. Я стал одним из первых. В основном, переводил с иврита (или английского) на

русский.

Сейчас в Беларуси сделал первый опыт литературного перевода на иврит. Два рассказа Василя Быкова. Один уже опубликован, второй пока нет, но это, как говорится, дело времени.

Кроме занятий переводом очень люблю учить языки. Для меня это не нагрузка, а любимый отдых. Для начала я выучил иврит. Причем довольно глубоко, ибо можно овладеть языком лишь для ежедневного пользования или газетного чтения.

Потом перешел на арабский. Считаю его одним из самых великих языков в мире.

Приехав в Беларусь, посчитал своим долгом выучить и белорусский. Поначалу казалось, что у меня есть очень хорошие задатки. Очень скоро эти задатки превратились в помехи. Я имею в виду знание русского и украинского. Учить белорусский мне было нетрудно, но потом русский, и особенно украинский, стали тормозить активное пользование «мовай». Пассивно я знаю белорусский язык практически в совершенстве и очень много на нем читаю. Причем, знаю такие слова, которых не знают даже многие белорусы. А активно разговаривать по-белорусски мне очень трудно. Мешает, прежде всего, украинский язык. От русского я могу абстрагироваться, а вот от украинского нет. Слишком похожи. К сожалению, не сделал такого шага, как это удалось уважаемому мной Стефану Эрикссону, не стал свободно говорить по-белорусски.

Это два не очень активных хобби, и связаны они, в первую очередь, с сидением за столом. Вряд ли можно назвать еще одним чтение книг. Этим качеством должен обладать каждый культурный человек. Другое дело — некоторое смещение акцентов в область электронных

источников. Я, кстати, не вижу в этом ничего плохого, а разговоры про «молодежь, которая не читает, а только смотрит телевизор и пользуется компьютером» не считаю продуктивными. Это веяние эпохи. Хотя, компьютер, для меня в некотором смысле нагрузка. Более того, смотреть телевизор для меня тоже нагрузка. Отдохнуть можно только тогда, когда читаешь книги. Читаю по-русски, по-английски, по-белорусски, немного по-арабски. И, естественно, на иврите.

Из активного времяпрепровождения очень люблю то, что называется поездками и походами. Жена с этим не может согласиться, но меня мало интересуют города. Если будет выбор между Амстердамом и деревней Клястицы, что за Полоцком, где я бывал, выберу последнюю. Поездки, как говорят «в глушь, в Саратов» значительно облегчают жизнь. Особенно в Беларуси, где так много рек, лесов, озер. Где можно долго ходить пешком. Для меня такой отдых самый желанный.

— Помнится, Вас не так давно приняли в белорусский Союз писателей. К сожалению, у многих белорусов отношение к своему языку, мягко говоря, не совсем правильное. Что думает по этому поводу израильтянин?

— Не хочется углубляться в тонкости терминологии, но меня в некотором смысле можно считать националистом. Где бы я не был, всегда являюсь убежденным сторонником развития там национальной культуры. Так было в Украине. Так происходит и сейчас. Тем более, что в Беларуси я познакомился с настоящими служителями белорусского языка и культуры. Теми, кто его хранит и пытается его развивать. К сожалению, их дело сложно назвать

благодарным. Увы, с точки зрения национального развития Беларусь практически всегда находилась под чьим-то серьезным влиянием. Будь то польское или российское. К тому же чисто национальные корни были неглубокими. Восприятие национального у простого народа и элиты нельзя назвать одинаковым. Например, в украинских селах все говорят только на украинском языке. В Беларуси такого нет.

Парадокс. По данным социологических опросов огромное количество белорусов говорит, что они хотят быть белорусами и поддерживают независимость, но делать для этого ничего не хотят.

Глубоко убежден, что Беларусь не может быть полностью независимой страной без белорусского языка. И вообще. В мире без национальных языка и культуры существует очень мало стран.

Можете считать русский вторым государственным, можете делать, что хотите, но основой должен быть только белорусский язык. Как этого добиться? Очень сложно, потому что принуждением, насильственными методами цели не достичь. Белорусский язык уничтожен настолько глубоко, что его нужно возрождать практически с нуля. Нельзя человека заставить перейти на белорусский язык, если в его семье на нем не говорят даже родители. Белорусскому языку белорусов нужно учить заново.

Но есть и другие факты. Известны случаи, когда молодые люди не произносили до 18 лет на нем ни одного слова, а потом вдруг начали говорить по-белорусски. Конечно, поначалу это было трудно и смешно. Люди сами приходят к тому, что что-то создать без этого просто невозможно.

Пример тому – Израиль. Конечно, иврит мертвым

языком никогда не был. Он был языком молитв, немножко – литературы, но не применялся на разговорном уровне. В 1948 мы его фактически возродили. Возродили практически из ничего. Кстати, одним из тех, кто стоял у истоков, был выходец из Беларуси — Элиэзер Бен-Егуда. Именно благодаря этому и возникло наше государство.

Нечто подобное наступит и в Беларуси. Когда-то здесь придут к власти люди, которые не привыкли к мысли, что «Москва — это все», а русский язык является матерью всех языков.

— Насколько я понял, семью Вы создали недавно. Впрочем, на эту тему можно не говорить…

— Мне здесь абсолютно ничего скрывать. Жена, Ольга, в отличие от меня, еще молода. Естественно, у меня это уже не первая семья. С женой мы отсчитываем время не с момента бракосочетания, а эпизода нашего знакомства. Тогда получается 14 лет. По ряду «технических» обстоятельств брак заключили совсем недавно.

Познакомились мы в Украине, когда я пришел читать лекцию в историческую библиотеку, где она работала.

Как я уже упоминал, год и 10 месяцев назад у нас родилась дочь Ронит-Елена. Это настоящее счастье. Между прочим, моему старшему сыну Георгию уже 41 год.

08.08.08

«АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР» НАЙДЖЕЛА ГУЛД-ДЭВИСА

Сразу же разочарую любителей всяких хохм: ничего смешного в этом тексте нет. А есть то, что сегодня молодые называют приколами. Действительно, несколько непривычно видеть в здании, которое живет по строгим дипломатическим канонам, двух шикарных кошек. Именно с них мы и начали разговор с Чрезвычайным и Полномочным послом Великобритании в Беларуси Найджелом Гулд-Дэвисом.

— Кошек можно назвать моим хобби. Здесь только две. Я привез их из Москвы, так что они в некотором смысле «русские».

Раньше много играл в футбол. Сейчас, к сожалению, это выходит довольно редко – работа. Однако уже в ближайшее время хочу значительно активизироваться.

Еще одно увлечение – я квалифицированный арбитр по футболу, даже есть соответствующее удостоверение.

Люблю путешествовать. Когда был в Москве, постарался использовать эту возможность максимально эффективно. Удалось посетить несколько стран, которые к России ближе, чем к Англии. Сирия, Вьетнам, Индия. Впечатления очень яркие.

Увлечен классической музыкой. Правда, работа дипломата такова, что даже по вечерам мы часто заняты – приемы, вечеринки, другие мероприятия.

— Давайте вспомним несколько эпизодов Вашей биографии.

— Родился 10-го марта 1966-го года. С нашим министром иностранных дел мы ровесники – 42 года. Для посла и министра возраст довольно небольшой. Я из Лондона, точнее — из городского района Isleworth. Детство в основном провел в маленьком «спальном» городе Woking, что в десятке километрах от столицы. К сожалению, не очень красивый город. Само графство Surrey, кстати, довольно красивое. Основной отличительной чертой родного города можно назвать то, что именно там впервые высадились марсиане в книге Герберта Уэллса «Война миров» и начали воевать против землян.

У меня один брат. Его зовут Гай. Он не дипломат, занимается пиаром. Сейчас работает в Сан-Франциско. Папа умер в 2001-ом году. Мама уже несколько лет живет в Испании. Там теплее, чем в Англии.

После школы поступил в университет. Закончил Оксфорд и получил степень магистра по специальности международные отношения. Далее захотел сделать научную карьеру и переехал в Америку. Пять лет занимался исследованиями в Гарварде. Потом защитил диссертацию.

— Образование весьма солидное…

— Действительно, было очень непросто. В Гарварде немного сам преподавал. Затем вернулся в Англию, и четыре года читал лекции в Оксфорде. К слову, были не только лекции. Основным подходом к образованию там является система тьюторства. Суть в том, что преподаватель напрямую работает всего с несколькими слушателями. Бывает, и вообще с одним. Очень интенсивный подход, полезный. По поручению преподавателя студент каждую неделю пишет и читает небольшое эссе-сочинение. После эту тему они обсуждают вместе. Преподаватель задает много вопросов и никуда от него не скрыться. Повторюсь, на мой взгляд, это очень эффективно. Иногда такая форма помогает и самому преподавателю. Он, в принципе, знает предмет хорошо, но если перед ним весьма талантливый, интересный студент, то через процесс общения возникают совершенно новые идеи. Иногда уникальные.

В 2000-ом году решил перейти от теории к практике, то есть стать дипломатом. Довольно поздно, между прочим. В международных отношениях есть

некий момент оперативности. Это не древняя история, о которой можно прочесть в популярных или специальных книгах. Речь о реальных вещах, событиях, фактах. Изучение международных отношений все больше и больше теоризируется.

По моему глубокому убеждению, самое эффективное испытание любой идеи – это практика. Меня постоянно увлекает тема взаимосвязи теории и практики международных отношений. Она явно страдает от отсутствия практики.

С другой стороны, я считаю: дипломаты лучше понимали бы происходящее, если б знали основные теоретические принципы. Практика без теоретических корней слепа. Но и теорию без понимания практики вряд ли можно назвать чем-то перспективным.

После перехода в министерство иностранных дел Великобритании три года работал аналитиком и специализировался на России. А в 2003-м году стал работать в нашем посольстве в Москве, где возглавлял экономический отдел. Занимался торговлей и инвестиционными отношениями.

Это очень интересный период моей жизни. Россия сейчас переживает весьма бурное развитие. Я наблюдал за многими интересными событиями. Спустя месяц с момента моего пребывания в Москве арестовали Ходорковского, и началось «дело Юкоса».

В прошлом году (уже к концу работы в Москве) появилась возможность переехать сюда. Вначале в качестве Временного Поверенного. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Послом меня назначили только через какое-то время. Произошло это всего несколько месяцев назад.

— И где уже успели побывать?

— Съездил в Гомель, Заславль и Беловежскую пущу. Скромное количество – недостаток, но намерения продолжить поездки уже есть.

Хочу побывать в древнем Полоцке. Такие города меня интересует особенно. Когда был в России, съездил в Новгород и был в Софийском соборе.

— Из общения с белорусами что запомнилось больше всего?

— Больше всего меня удивило то, что они без всяких сомнений являются европейцами. По общению, поведению это чувствуется очень. Если в России постоянно циркулируют философские рассуждения, дискуссии о принадлежности к Азии или Европе и некой уникальности, то здесь ничего подобного не слышно. Однозначно, в Беларуси – европейское общество. И чувствуется это довольно сильно. Честно говоря, до того, как начал работать у вас, я ничего такого не слышал. Знаю, что есть некоторые нюансы, которые можно объяснить только на «беларускай мове». Например — памяркоўнасць. С помощью другого языка смысл этого слова не понять.

И это сразу чувствуешь, когда общаешься с белорусами. Вежливые, воспитанные люди.

— Со многими доводится общаться?

— Да, на улицах Минска. Кроме того, к нам в посольство приходят очень интересные люди.

К слову, кроме кошек, я здесь в «живом журнале» завел свой блог. Пока только на русском языке, но уже начал учиться и белорусскому. Было всего несколько уроков, но я намерен его освоить на уровне Стефана

Эрикссона.

— Обязательно стану вашим «фрэндом»…

— Буду рад читать ваши комментарии на мои «посты».

В интернете, кстати, очень многое узнал о Беларуси. Чувствуется, что восточное влияние

доминирует здесь только последние двести лет, а до этого ваши земли были больше

ориентированы на Европу. Достаточно вспомнить тоже Великое Княжество Литовское.

Неслучайно на вновь отстроенном здании минской ратуши есть доска с упоминанием

Магдебургского права.

— Вернемся к футболу. Сейчас модно создавать разные команды. Почему бы Вам не собрать, например, сборную иностранных дипломатов?

— Интересная идея.

И вообще в футбольном плане текущий год для наших стран очень интересен. «Молодежки» и женские сборные уже сыграли. С нетерпением ждем в октябре приезда мужской сборной Англии, которая будет играть со сборной Беларуси отборочный матч Кубка мира.

К этому событию я планирую что-то любопытное сделать. Например, провести товарищеский матч между посольскими сборными. Хотя бы по пять человек в команде. Но сейчас этот вопрос только на стадии обсуждения.

— Вы неплохо говорите по-русски. Учили или это из Москвы?

— Русский язык стал изучать уже во время аспирантуры, ибо главной темой моей диссертации была холодная война. В середине 90-х годов прошлого века открывалось много архивов. Не только в России, но и в бывших соцстранах. Для политологов и историков это было очень интересное время. Впервые появилась возможность работать с первоисточниками. И пришло новое поколение тех, кто интересуется данной тематикой. В такую компанию попал и я.

Для того, чтобы пользоваться архивными документами, и необходимо знание языка.

Конечно, здорово помогли четыре года работы в России.

14.08.08

КИЛОМЕТРЫ ФЕРЕНЦА КОНТРА

Слушая Чрезвычайного и Полномочного Посла Венгерской Республики в РБ Ференца Контра, я подумал, что если бы нашу жизнь измеряли не годами, а километрами, то цифры у него получились бы просто астрономическими. Наверное, у «дальнобойщиков» они еще больше, но для них езда – работа, а для венгерского дипломата – удовольствие. Что часто, к сожалению, не одно и то же.

— Я городской мальчик. Родился 2-го апреля 1954-го года в Будапеште. Это во многом определило и мою будущую судьбу. Именно в детстве появилась мечта стать дипломатом. Тогда на улицах еще было не так много машин, и мы часто играли на проезжей части в футбол. Неподалеку от моего дома очень часто останавливался «Мерседес». 60-е годы. Даже сейчас самые новые модификации этой шикарной машины

встречаются нечасто, а тогда были вообще уникальной редкостью.

Как-то владелец этого автомобиля разрешил мне посидеть в салоне. Очень понравилось. Родителям сказал, что хочу такую же. Они ответили: хорошо, но тогда усердно учись, выучи языки, стань дипломатом. В Венгрии таких зарплат не было, большие деньги получали только те, кто работал за границей. В моем мозгу появилась кодировка на дипломатическую работу. И стала ориентиром на многие годы. Еще в школе я начал учить русский и английский.

Потом попал в Советский Союз, но не в Москву, где тогда были все наши дипломаты, а в Киевский государственный университет, ибо там тоже был факультет международных отношений. Туда со временем хотели перевести всех будущих дипломатов, и наш курс был в некотором смысле экспериментальным. На нас, кстати, этот эксперимент и закончился, потому что в Киеве начали возникать проблемы с языками, точнее с выбором. Одно из самых больших огорчений моей юности именно в том и состоит. Хотелось изучать индонезийский и финский, но их в нашем университете не было. В итоге, кроме английского и, естественно, русского пришлось освоить только французский. Жалко, в студенческие годы все запоминается гораздо легче

После Киева меня сразу взяли в наше Министерство иностранных дел. Еще во время учебы венгерское МИД «положило на нас глаз» и всячески опекало будущих дипломатов. Работал в Управлении международными организациями ООН. Новая тема, очень интересная. А потом, когда пошел служить в армию, фактически потерял полтора года. Был

переводчиком в радиоэлектронной разведке. Для начальства переводил на венгерский разные радиоперехваты. Иногда было сложно подчиняться простым деревенским ребятам, которые в физическом плане были подготовленными хорошо, но по своим умственным характеристикам значительно отставали от тех, кто закончил университеты. Конечно, это гражданский долг, но я считаю большой роскошью, когда после университета приходится отдавать армии полтора года жизни.

После службы появилась возможность продолжить дипломатическую карьеру в Тегеране. Это была первая заграничная командировка. Чрезвычайно интересно. После Исламской революции прошел только год, начиналась ирано-иракская война. Работа в Иране была для меня очень хорошей школой. Небольшое диппредставительство, работал консулом, пресс атташе, а главное – был самым молодым дипломатом, которому приходилось все делать. И еще. Я там научился вести себя в совершенно другой цивилизации — той, которая сильно отличается от привычных обстоятельств.

В Тегеране проработал пять лет, вернулся в наше МИД и сразу начал заниматься Советским Союзом, был референтом в соответствующем департаменте венгерского министерства иностранных дел. Уже в то время переводил огромные статьи, целые страницы из газеты «Правда», материалы съездов КПСС, которые иногда бывали по 20 печатных страниц, высказывания высших руководителей. Руководство МИД решило добавить к моей профессии международника еще одну – направило на годичные курсы русского языка при университете имении Лоранда Этвеша.

Не скажу, что воспринял это восторженно, потому что думал, будто вся моя дальнейшая карьера будет связана только с Советским Союзом. К счастью, все обернулось не так. Согласился и не пожалел. Получилось, что на основе русского языка меня судьба связала не только с СССР, но, после его распада, с новыми государствами. Знания, полученные на курсах, позднее позволили переводить на переговорах очень высокого уровня.

Например, Саммит ОБСЕ в Париже, где наш премьер-министр встречался с Горбачевым. Мой визит в Париж длился всего лишь шесть часов.

Или еще одно. Позднее премьер-министр Венгрии встречался и с Ельциным, и с Горбачевым, а затем в тот же день провел переговоры и в Украине. За один день мы подписали три договора, которые регулировали отношения между нашими странами. Это был поистине исторический период. Я очень рад, что смог участвовать в этих процессах именно благодаря знанию русского языка.

Далее я почувствовал, что слишком долго засиделся дома и записался в силы ООН в Намибии (UNTAG). 7000 человек помогли этой африканской стране перейти от диктатуры к демократии. Там я работал в качестве полицейского наблюдателя и до сих пор имею звание капитана полиции в резерве. Жалею, что нет никакой «корочки», показывал бы ее гаишникам. Может, не штрафовали бы.

Это была моя первая поездка в Африку. Я увидел, насколько там разнообразная, красивая природа. В Намибии пожил и в столице, и близ ангольской границы, где племена ходят полуголыми, занимаются охотой, то есть живут еще в первобытно общинном строе.

Отдельно хочу сказать о следующем. В течение года я сумел прочитать более 60 книг.

Служба была такой, что мы патрулировали не всегда. А в офисе некоторые читали. Нужно было лишь следить за радиостанциями и телефонами. Словом, обычное дежурство. К сожалению, с тех пор возможности иметь столько свободного времени у меня больше не было.

Затем опять Венгрия, наше МИД. Работал заместителем директора Территориального департамента по Советскому Союзу, а после распада СССР занимался связями со странами СНГ и Прибалтики.

Потом была еще одна загранкомандировка. На сей раз – Афины. Был там заместителем посла. Думаю, что Греция – мечта любого дипломата. В том плане, что, если там снять галстук, то человек становится туристом. И, как турист, чувствует себя отменно. Иногда в официальных общениях было затруднительно получить возможность какой-то встречи. Но в неофициальной обстановке все было совсем другим. Греция во многом живет за счет туристов, а сами греки – очень хорошие хозяева. Они уважают и любят туристов.

Порой моя машина за месяц проезжала две с половиной тысячи километров. И это учитывая то, что я никуда особо далеко за пределами страны не ездил.

— Насколько помню, движение там как-то ограничено?

— Действительно, в центр Афин можно проехать только через день и зависит это от цифр на автомобильном номере. Классификация проходит по принципу: чёт-нечет.

Вновь вернулся в Венгрию. Год был руководителем

Секретариата политического государственного секретаря МИД ВР.

В 2001-м году предложили возглавить наше посольство в Украине. С удовольствием, согласился. В Киеве мне все было знакомо. Это город юности. Многие политики нынешней Украины – выпускники Киевского Государственного университета. Сам факт, что мы учились вместе, стал хорошей основой для быстрого и легкого поиска взаимопонимания.

К слову, Венгрия была первой страной, открывшей в Киеве свое посольство. Даже по CNN показывали, как знак консульства менялся на знак посольства. Украинским политикам нравилось, как соседняя для них страна своевременно и элегантно реагирует на происходящие у них события.

Вспоминаю один эпизод. Когда 6-го августа 1992-го года мы с премьером летели в Москву, и пилот самолета сказал, что пролетаем над столицей Украины, мне тут же в голову пришла мысль послать телеграмму прямо из самолета. Я сделал предложение, и мы от имени премьера его осуществили. Текст приблизительно такой: пролетая над территорией суверенной Украины, шлем свои поздравления. Оказалось, что это была первая телеграмма такого рода. Казалось бы, мелочи, но они иногда играют очень большое значение и хорошо запоминаются.

В Киеве пробыл недолго, всего год и несколько месяцев, потому что наше руководство приняло решение о переезде в Москву. Я бывал там много раз, но никогда в Москве не жил. Мне повезло стать там нашим послом. Для русскоговорящих дипломатов это один из ориентиров.

К слову, тогда я был также Чрезвычайным и

Полномочным Послом Венгерской Республики и у вас, но по совместительству. В Армении и Узбекистане тоже.

После возвращения домой пришлось еще три года заниматься в МИД вопросами Молдовы и Беларуси.

А с 27-го мая 2008-го года меня второй раз аккредитовали в Беларуси, только уже без фразы «по совместительству». Интересная миссия. Быть здесь послом одной из стран Евросоюза в профессиональном плане весьма интересно.

— Вы один у родителей?

— Нет. У меня две сестры. Одна родная, Мария, другая двоюродная, Розалия. Но она тоже, как родная, потому что после смерти ее матери воспитывалась у нас. Она старше меня и многому меня учила. Мы всегда были с ней в очень хороших отношениях.

Они не дипломаты, но Мария работает секретарём в венгерском МИД. Совершенно случайно мы с ней оказались вместе в Москве. Я приехал туда из Киева, а сестра там работала уже несколько лет. Я, кстати, написал нашему руководству, что здесь есть некоторые нюансы, но они оказались не самыми главными.

Розалия работала медсестрой, сейчас на пенсии. По линии церкви много занимается благотворительностью, помогает малоимущим.

— Вы же не все время только работаете?

— Моя жена говорит, что я работаю больше, чем надо было бы.

Самое главное хобби – семья, жена, дочь.

Помимо этого очень люблю путешествовать, чаще всего с семьей.

Очень нравятся США. Когда я первый раз попал в

Соединенные штаты, мне было 50 лет. Вначале это была только двухдневная служебная командировка, а потом два раза были там с женой. Даже на Багамских островах побывали.

Вернусь к детской мечте. Во времена социализма ездить по миру было очень тяжело. Исключения делались только дипломатам. Свобода «сладким словом» была уже тогда. Конечно, сейчас все совсем иначе.

— Судя по фотографиям, Вы бывали не только в Париже?

— Совершенно верно. В Беларуси у меня еще все впереди. Я здесь только три месяца.

… Часто мы путешествуем на машине. Люблю водить. В том числе и на большие расстояния. Из Москвы или из Минска в Будапешт доезжаю за одни сутки, а это свыше тысячи километров. Если дорога нормальная, то нет никаких проблем.

Моя жена родом из Киева. Ездили и туда.

— Про жену, пожалуйста, поподробней.

— Зовут ее Инна. Мы познакомились в 1972-м году. Я был тогда студентом первого курса и получил задание от имени венгерского землячества сделать стенгазету по случаю очередной годовщины Октябрьской Революции. Инна работала на кафедре международного права КГУ и была очень симпатичной. Потом я узнал, что она приглянулась не только мне. Попросил ее напечатать статью, которую нужно разместить в стенгазете. Она это сделала, и я пригласил ее вместе пообедать, попить кофе. С этого все и началось. Вместе обедали пять лет. Договорились

пожениться.

На пятом курсе я позвал ее в Будапешт познакомить с родителями. Но тогда система была такой, что на заграничные поездки сотрудникам университета одобрение давал партком. Там ей задали вопрос: «А вы не думаете, что иностранный студент тем, что приглашает в гости, вас покупает?» Инна расплакалась. Ее, конечно же, не пустили. Вскоре мы поженились и она после оформления всех документов, как и обещала парткому, уехала в Будапешт.

Надеюсь, никогда об этом не жалела. Будучи женой венгерского дипломата ей было даже гораздо легче ездить домой, нежели если бы пришлось пересекать границы с советским паспортом.

Она со мной объездила весь мир. Кроме, конечно, Намибии.

— А дочь как зовут?

— Виктория. Мы специально подбирали ей такое имя, которое одинаково звучит и по-русски, и по-венгерски, и по-английски. Чтобы когда-то в какой-то стране ей не было неудобно.

Это не традиционно, но она тоже работает в венгерском МИД. Почему именно там? Когда мы приехали в Тегеран, ей было только восемь месяцев. Пошла в «немецкий» детский садик и выучила там немецкий язык. В 1985-м году в Мюнхене не хотели верить, что я не знаю языка, которым моя дочь владеет в совершенстве.

В Афинах ходила уже в британскую школу и за пять лет хорошо выучила английский. От матери знает русский. Поэтому ее в МИД и взяли.

— А Вы не собираетесь учить белорусский?

— Учить специально уже поздновато по возрасту, да и времени не хватает. Понимая украинский, очень многое понимаю и здесь. Думаю, если пробуду в Беларуси четыре года, буду понимать все. Это нужно обязательно. Знаю, ко мне будут приходить бумаги и на белорусском языке, а переводить их здесь у нас некому. Дипломат обязан понимать язык страны, где он работает.

22.08.08

ФИЛОСОФИЯ ПЕТКО ГАНЧЕВА

Наверное, среди иностранных дипломатических работников, аккредитованных в Беларуси, Чрезвычайный и Полномочный Посол Болгарии в РБ профессор Петко Ганчев в научном плане самый титулованный. У него целых две докторские диссертации. По философии и политологии.

— Как получилось так, что наука стала дипломатией?

— Никаких метаморфоз не было. Как говорится,

одно другому не мешает.

Я родом из Плевны. Город известный. Именно там во время русско-турецкой войны (в 1877-м году) шли очень упорные бои между российской царской и османской армиями. В тех краях и прославился генерал Михаил Дмитриевич Скобелев.

К слову, не многие белорусы знают про его белорусские корни. И командующий российской армией Иосиф Владимирович Гурко тоже был белорусом. А болгарским ополчением, которое сражалось на Шипке, командовал белорус Николай Григорьевич Столетов. Его именем названа одна из горных вершин.

Родился 18-го октября 1941-го года, но последние дни войны все же запомнил. Помнятся также первые годы так называемой коллективизации и социалистической индустриализации, когда всё в Болгарии осуществлялось под нажимом Советского Союза. Нищета и восторг.

Рано, точнее в четыре с половиной года, сам научился читать. И с тех пор начал мечтать писать книги, рассказывать людям о происходящем вокруг. До выбора в жизни научного пути писал рассказы.

Кстати, моей первой наукой была медицина. Впоследствии отказался и занялся философией. Закончил факультет истории и философии Софийского университета, затем — аспирантуру. Очень рано по тем меркам стал доктором философских наук. Мне было всего 38-м лет. Несколько лет назад закончил еще одну диссертацию и стал доктором политологии.

Много, упорно работал в истории, философии, футурологии. В Болгарии был одним из начинателей сферы, исследующей будущее. Потом перешел к изучению глобальных проблем, экономики и

геополитики. Все время испытывал искушение плотнее заняться реальной политикой, что неоднократно советовали друзья. Так сказать, взгляд на настоящее через призму будущего. Кроме того, пришел к мысли, что вся моя наука была бы гораздо полезней, если б ее применили на практике. Это существенно усилило мой интерес к политике.

Студенты, слушая лекции, все время высказывали сожаление, что я не занимаюсь реальной политикой. Возможно, именно поэтому, когда в 2001-м году Болгарию после 50-ти лет изгнания вернулся наш царь Симеон II Сакскобургготский и пригласил меня в свое национальное движение, с удовольствием согласился. Принял участие в ближайших парламентских выборах, стал депутатом Народного собрания Болгарии 39-го созыва. Очень много выступал, принимал активнейшее участие во всех пленарных дискуссиях.

…Как раз в прошлом году вышел III том трилогии-эпоса «Между прошлым и будущим». Первый назывался « В мире жизни и философии», второй — «Философия. Политика. Будущее», третий «Переход. Парламент, взгляд изнутри». Параллельно были изданы и другие книги.

— И сколько их всего?

— 30 монографий и свыше 500 научных статей.

— А как попали в дипломатию?

— Безусловно, я иногда об этом думал, но практических шагов не предпринимал никаких, поэтому, когда в 2002-ом году наш ныне действующий президент Георгий Пырванов предложил перейти на дипломатическую работу, это не стало чем-то

экстраординарным. А дело было так. Мы возвращались из Москвы, где у него были переговоры с Путиным. Я спросил о впечатлениях. Он оценил их позитивно, но остался очень недоволен работой нашего посла в России. Почти дословно сказал: „Там должен быть такой серьезный политик и известный ученый, как вы, господин профессор.” Я заявил о своей готовности и согласовал свои действия с царем.

Тот целый год молчал, вернулся к проблеме лишь осенью 2003-го года. Реакция была восторженной. А через полгода действующий тогда министр иностранных дел сообщил, что я еду послом в Беларусь. Изначально речь шла о Москве, но там что-то не получилось.

Супруга, которая, к сожалению, четыре года тому ушла из жизни, посоветовала начать именно с Беларуси, мотивируя этот тем, что у меня нет большого дипломатического опыта, а в России идут очень сложные политические процессы. Она была права.

Согласился, в конце апреля 2005-го года приехал в Минск. И во многих интервью говорил, что нисколько об этом не жалею.

По моим оценкам белорусский народ, хоть и тоже славянский, как, например, польский или чешский, особенно добрый, толерантный, спокойный. Из истории знаю, что он никогда не проявлял агрессивности к другим и соседям. Никогда не был инициатором каких-либо войн. Высокая степень толерантности и доброты является особой чертой белорусов. Это весьма нравится и очень сильно помогло, когда я жил в состоянии стресса от потери супруги.

Все свое свободное время я работал, писал книги. Вышло их много, в том числе и одна на русском языке про Китай «Возрождающийся гигант. Цивилизация и

философия древнего и современного Китая». Собирался много лет, но смог это сделать только здесь. К слову, вначале она вышла на русском языке и только потом на болгарском.

Вышли и названные уже три тома «Между прошлым и будущим», которые я задумывал по образцу «Былое и думы» Александра Герцена. Своеобразная панорама эпохи, в которой жил. От уходящего капитализма и так называемых социалистических реформ до демократических преобразований. Там много портретов людей, с которыми я был лично знаком и принимал участие в развитии их философии. Среди них и бывший премьер-министр, и действующий, и, конечно же, царь. Надеюсь, эти 600-700 страниц выйдут и на русском языке. Перевод уже идет.

В апреле этого года была представлена моя новая книга «Благодарим тебя, наша Родина!». Это документальная киноповесть о спасении болгарских евреев во время Второй Мировой войны. Так много известно, что своих евреев спасла Дания, что был знаменитый «список Шиндлера», но очень мало людей знают о том, что Болгария тоже спасла от немецких фашистов свою 51 тысячу евреев. Ни одного из них не отдала в концлагеря. Случай уникальный для новейшей истории.

В этом принимало участие довольно много руководителей. И царь Борис III, и депутаты управляющего тогда большинства, члены правительства, писатели, Святой Синод болгарской православной церкви (особенно митрополит софийский Стефан и пловдивский Кирилл, который потом стал патриархом всей Болгарии), обычный народ.

За то, что царь, не смотря на настоятельные

требования Гитлера, не отправил ни одного болгарского еврея в концлагеря и ни одного болгарского солдата на восточный фронт, он поплатился своей жизнью.

Через неделю после посещения померанской ставки у царя Бориса III случился очень серьезный инфаркт миокарда. Семь дней умирал в страшных муках. Официальной причиной назван инфаркт сердца, неофициальной – отравление. Такое шифрованное сообщение послал немецкий военный атташе Гитлеру.

Да, Болгария была саттелитом Германии, но царь не следовал указаниям Гитлера, других нацистов. Сохранил в те годы Болгарию, но себя сохранить не смог. После последней встречи с Гитлером так и сказал начальнику канцелярии и своему отцу: я сделал всё возможное, хотя, может быть, поплачусь за это жизнью. Так и получилось.

Книга была представлена 22-го апреля. Ее тоже перевели. И родившейся в Беларуси еврей занялся публикацией её в Израиле. Жду.

— Вы один в семье?

— У меня был старший брат Евгений (мне тогда было 10 лет, а ему 14), который трагически погиб — попал под машину. Ужасно. Последние мгновения его жизни были у меня на руках.

Потом родилась сестра. На 11 лет моложе меня. Назвали Евгенией.

— Очень удобное имя.

— Родители давно умерли. Мама ушла очень рано. У нее было имя, не встречающееся у белорусов, хотя и славянское – Петра. У немцев, кстати, его можно услышать.

Отца звали Димитрием. Сейчас это имя моего

сына.

— Он не дипломат?

— Нет.

Он заканчивал славянскую филологию, а потом — «международные отношения и европейская интеграция». Есть такая модерновая специальность. Несмотря на то, что с отличием закончил две чисто гуманитарных магистратуры и несмотря на мои советы заняться наукой он «технарь». Знает технические системы различных машин, компьютеры, вооружение, самолеты. И разбирается в этом весьма неплохо. Сейчас работает в одной солидной интернет-компании.

Супругу звали Любовь, а маленькую внучку зовут Анной. Ей восемь лет, уже во втором классе. Очень умная и талантливая девочка.

— А как Вы познакомились с женой?

— Я был студентом последнего курса, а она приехала погостить к тете в Болгарию, которая родом из России, но когда-то вышла замуж за болгарина. Вместе с подругой они пошли в библиотеку. Там неожиданно и познакомились. Я что-то читал, стал рассказывать. Смотрю — не понимают. Сразу же перешел на русский.

Люба перевелась учиться в Болгарию, и мы вскоре поженились.

Корни у нее украинские, но она считала себя уже почти русской, хотя украинский язык знала довольно неплохо. Родилась возле Воронежа, потом семья переехала в Ростов-на-Дону. Работала вначале учителем, а потом — библиотекарем. Закончила русскую и болгарскую филологию, а также параллельно специальный курс библиотечного дела.

— А Вы откуда знаете русский?

— Еще с начальной школы. Прочел очень много книг. Наверное, десятки тысяч, если не больше. Это не было для меня проблемой. Возможно, на русском, как и на немецком, английском, французском, я иногда не совсем точно грамматически выражаю свои мысли, но думаю, что справляюсь. А понимаю абсолютно все.

— Насколько мне известно, Вы немного знаете и белорусский. Даже стали одним из победителей знаменитой «дыктоўкі»?

— Славянские языки даются мне нетрудно. Тем более, что белорусский, на мой взгляд, сохранил древнюю структуру славянских языков. Он почти не развивался. Беларусь все время была под чьим-то давлением — русским, украинским, польским и т.д. Он сохранился в деревнях, селах и сберег свою первичную данность.

А другие языки в это время развивались с разных сторон. Они синтезировались, многое заимствовали у других, белорусский же сохранился в первозданном виде. Кстати, в нем я находил очень много слов, которые мне известны из современного и древнего болгарского языка. По-русски они звучат совершенно по-другому.

— Кроме дипломатии и философии Вы занимаетесь чем-то еще?

— Пишу серию политических статей для одного солидного болгарского издания. Претенциозно называл их «Письма издалека», то есть активно присутствую в болгарской жизни. В прошлом году мои коллеги из науки говорили: профессор, вам не хватает Болгарии. Я решил

это исправить. На последней встрече нашего президента с послами сказал ему об этом. И услышал – я их читаю.

Сейчас работаю над новой книгой. Это сугубо философская вещь. Попытка синтезировать принципы Божьего сотворения мира и принципы эволюции. Это своеобразное обобщение моего опыта исследований истории и философии человечества с постулатами эволюции всех наук – космологии, биологии, генетики, геологии и так далее. Получается очень интересно, хотя и намного труднее того, что было раньше.

Я не совсем согласен со всеми принципами материалистической философии и естественной эволюции.

В то же время не совсем согласен и с набором канонов, догм, созданных религией, которая интуитивно принимает идею создания Вселенной Высшим Творцом. Системы христианства, ислама, иудаизма, буддизма, даосизма и пр. идеальны по сути своей конструкции. Их создали люди, пророки, мечтатели философы, но это не есть настоящее понимание Бога.

На мой взгляд, Бог не руководит нами постоянно. Он задал принципы бытия, заложил интеллектуальные, эстетические и моральные предпосылки, способность творить, познавать, оценивать и выбирать между добром и злом. Дал принципы свободы, творчества, долга, ответственности.

Мир и развивается по этим принципам, развивается от простого к сложному, что не совсем созвучно законам термодинамики, которая прочит тепловую смерть Вселенной. Процесс идет в совершенно другом направлении.

Об этом писали Даниил Дана и Владимир

Иванович Вернадский.

Вернадский назвал это принципом накопления разума, ноосферой. А австралийский ученый Брендон Картер / Brandon Carter/оформил его как антропный принцип. В этом смысле в универсальной Эволюции, как и в Истории, нет заранее заданного готового образца, но есть предварительно заданные предпосылки к развитию, которое постоянно происходит через людей, их культуру. В этом я вижу постоянное присутствие Бога.

10.09.08

ИСТОРИЯ ГЕНРЫКА ЛИТВИНА

С тезисом Чрезвычайного и Полномочного посла Польши в РБ Генрыка Литвина о том, что дипломатия и история близки по духу, сложно не согласиться. Действительно, все мы в некотором смысле являемся участниками большого исторического спектакля под названием Жизнь. Только некоторые любят быть в нем статистами, а польский дипломат предпочитает активное участие.

— Традиционно начнем с детства.

— Родился в Варшаве, 13-го марта 1959-го года. Мои родители не из столицы, они туда переехали после войны, когда в Польше перемещалось очень много людей. Папа с мамой встретились в городе Щетин, где в одно время учились. А родом они из других мест.

В Щетине родился мой старший брат Кшиштоф. Старшая сестра Анна родилась уже в Варшаве, куда папа с мамой перебрались в начале 50-х годов прошлого века. Получается, что я был самым младшим ребенком.

Учился на историческом факультете Варшавского университета. Закончил в 1982-м году. Сейчас это практически не существует, а в те времена еще была возможность получать стипендию, которая выдавалась людям, готовившим кандидатские диссертации. Одновременно была возможность работать в Институте истории польской Академии Наук. Длилось это четыре года.

Потом год провел в армии, в войсках противовоздушной обороны. После вузов у нас тогда призывали на 12 месяцев. Из-за призыва не успел защитить кандидатскую диссертацию. Сделал это лишь тпосле увольнения в запас.

Затем работал адъюнктом в том же Институте истории. Три года, с 1988-го по 1991-ый. Выезжал на практику за границу. Побывал в Италии и Канаде.

Когда в начале 90-х начались известные перемены, в польском МИД стали искать людей, которые знают специфику, особенности таких наших новых партнеров, как, скажем, Украина, Беларусь, Литва.

Тогда по этим вопросам было очень мало специалистов. Польша в то время создавала на Востоке новую дипломатическую службу и подбирала людей, которые могли бы там успешно работать. А я как раз занимался историей Украины и чуть-чуть знал украинский язык. Потому мне и предложили поехать во Львов руководителем нашего консульства. Конечно, с радостью принял предложение, ибо для меня как историка, который занимался данной проблематикой,

было очень важно все увидеть своими глазами, глубже понять тонкости украинско-польских отношений.

Конечно, я понимал, что работа предстоит очень трудная. Историк все-таки, а руководить придется людьми, которые профессионально, то есть в консульском плане, подготовлены лучше. Подчиненные порой знали больше чисто рабочих нюансов, чем их начальник, но, на мой взгляд, польский МИД тогда был прав.

В тот момент и в том месте важен был, прежде всего, политический подход к решению многих вопросов. Смысл в том, чтобы во Львов поехал человек, который знает особенности региона, его историю. И сможет способствовать развитию диалога.

Можно сказать, что в начале девяностых Львов являлся основным политическим центром Украины. Потом центр переместился в Киев, и произошло это еще во время моей работы. Но изначально Львов был очень значим. Там существовала так называемая Галицкая Ассамблея, в которую входили областные советы трех западных областей – Тернопольской, Ивано-Франковской и Львовской. Можно сказать, что возник своеобразный мини-парламент свободной Украины. Происходило много интересного. И для историка, и для консула, и для дипломата, ибо моя работа в большей степени там была именно дипломатической.

Через несколько лет еще раз попытался вернуться к профессии историка. Принял предложение поработать в Польском историческом институте в Риме. Это был институт фонда Ланцкоронских. Фонд создавали за счет семейных денег. Он учредил Польский исторический институт, который занимался изучением исторических польских источников, что находились за рубежом. И не только в Италии — во всех странах Западной Европы.

Институт занимался этим делом долгие годы и исходил из того, что историки в Польше не имеют достаточно возможности выезжать для исследований на Запад. Что так и было. Потому они просто издавали соответствующую литературу.

Это чисто иммиграционный польский фонд, центр был в Риме и за свой счет много-много лет издавал суперинтересные книги об истории Польши. Особенно это касалось 16-го и 17-го веков. Продолжили они активность и после 1989-го года (время падения в Польше коммунистического режима), начали издание переписки папских нунциев.

Для истории нашей страны это очень важный источник ценнейшей информации. Благо, что ее в архивах Ватикана было очень много. Присоединился к подготовке этой серии и я.

Через год фонд свою активность решил перевести в Польшу, что было закономерным, потому что Польша уже стала совсем другой страной. Воздвигнутые коммунистами барьеры рухнули.

Естественно, пришлось в Варшаву вернуться и мне. В польском МИД работал заместителем директора департамента, который тогда назывался «Европа-2». Не вторая Европа, а второй европейский департамент, который занимался странами СНГ. Потом на четыре года еще раз поехал работать в Рим. Но уже дипломатом, работал там в нашем посольстве.

Непосредственно из Рима переехал в Москву, где еще на четыре года стал заместителем посла Стефана Меллера, ставшего потом министром иностранных дел. Затем вновь на два года вернулся в Варшаву в уже знакомый департамент, который стал называться Департаментом Восточной политики.

А 2-го сентября 2006-го года назначен

Чрезвычайным и Полномочным Послом в Беларуси.

— Брат и сестра не дипломаты?

— Нет. Образование у них политехническое. У Кшиштофа свой бизнес. А Анна в какой-то фирме работает по специальности.

— Наверное, как и все люди, Вы живете не только дипломатией?

— Естественно. Но работа занимает почти всё. Стараюсь свободное время проводить с семьей – жена, сыновья.

Младший, Роберт, родился в Риме.

Старший, Михал, провел с нами весь львовский, римский и московский периоды. Сейчас он тоже здесь.

Знаю точно — проще быть самому дипломатом, чем членом семьи дипломата.

Немного увлекаюсь и историей. Сейчас, можно сказать, это стало лишь своеобразным хобби. Иногда пишу научные работы но, конечно, уже не так активно, как мои коллеги, которые занимаются в первую очередь историей.

Старюсь быть в курсе всех событий.

— Насколько мне известно, знаменитую «беларускую дыктоўку» вначале написала пресс-атташе Вашего посольства Моника Садковска, а потом и Вы лично. Почему?

— Во-первых, из уважения к белорусскому языку. Во-вторых, потому что в момент написания «дыктоўкі» всеми послами меня просто не было в Беларуси.

— Наверное, самый распространенный вопрос. Ваши впечатления от Беларуси?

— Трудно давать какие-либо оценки. У дипломата все-таки не такие контакты, как, скажем, у человека, который просто живет за рубежом. Это относится ко всем странам, не только к Беларуси. Знаю это по себе. В той же Италии я вначале работал как историк, а потом, и как дипломат. Существенная разница. Прежде всего, в знании страны.

Потому о некоторых вещах, которые происходят сейчас, могу судить только как работающий в Беларуси иностранный дипломат. Конечно, определенные контакты у меня есть – хожу в магазины, гуляю по улицам, но больше общения происходит по дипломатической линии. Могу лишь сказать о своих впечатлениях, сравая с теми местами, где я жил.

С этой точки зрения фоном для Минска служит Москва. И Минск, как ни странно, является более привлекательным городом.

— Почему «как ни странно?»

—В том смысле, что Москва является большим мегаполисом, одним из мировых центров. Однако для обыденной жизни там есть определенные сложности. Трудно выехать, непросто перемещаться по городу. Человек всю свою жизнь живет в бетонной среде. Очень быстрый ритм жизни. Люди куда-то вечно спешат, везде очереди, толпы. У вас такого нет. Минск очень хорошее и дружелюбное место для жизни. Здесь спокойно, зелено, чисто. Я бы даже сказал, необыкновенно чисто.

Красивые люди. Приятно ходить по улицам. Контактные, спокойные люди.

Да и безопасно здесь.

19.09.08

ПОСОЛ «СКУЧНОЙ СТРАНЫ»

Хорошо известно, что причуды Судьбы детские мечты иногда делают реальностью. Но дело здесь не только в везении. Чрезвычайный и Полномочный Посол Латвии в РБ Майра Мора стала дипломатом не только благодаря случайному стечению обстоятельств, а сделала для этого довольно много.
Да и называть Латвию «скучной страной» можно только в очень переносном смысле.

— Родилась в Риге, — по моей просьбе рассказывает Майра Мора. — После школы училась в Рижском университете, который закончила еще в

советское время. Первое мое образование – филолог английского языка.

Помните, тогда был такой журнал «За рубежом», где перепечатывались статьи из зарубежных изданий и размещались собственные комментарии, очерки? Его выписывал мой отец, который всегда интересовался политикой.

Как и все жители Латвии, мы слушали «иностранные голоса». В те времена работали так называемые «глушилки» и папа, которого зовут Гунар, почти на четвереньках прислонял антенну транзистора к радиаторной батарее парового отопления. Так было лучше слышно. Об этом знали все. Звук шел волнами, и мы все ходили на цыпочках, потому что нельзя было мешать.

В последних классах с подругой и одноклассницей вдруг решили поехать в Москву поступать в МГИМО. Я очень этим заинтересовалась и даже наняла учителя итальянского языка. Посчитала, что одного английского, хотя и училась в специализированной школе с углубленным изучением, дипломату будет мало.

В процессе подготовки узнала, кто учится в МГИМО и кто из выпускников потом получается — неизбежная ангажированность делами «щита и меча». Конечно, это было неприемлемым.

К тому же латыши всегда считались ненадежными «нацкадрами», так что путь в МГИМО нам был, что называется, заказан. В те времена латыши даже в моряки дальнего плавания не попадали. Потому от детской идеи пришлось на время отказаться.

Так получилось, что почти сразу после окончания мной вуза, где я довольно неплохо выучила английский язык, в нашу страну пришла независимость. Сначала я

работала в Департаменте внешних экономических связей, который был при Кабинете Министров. Из-за совершенно очевидной кукольности действовавшего до этого МИД, которая заключалась в протокольном обслуживании приехавших в Ригу московских чиновников, новое министерство иностранных дел создавалось фактически заново.

В 1992-м году наш департамент объединили с МИД. Так я стала дипломатом — детская мечта сбылась.

Затем училась в Швейцарии, точнее, в Женеве, на высших курсах по политике, безопасности и разоружению. Очень хорошие курсы и очень престижные.

Учились мы больше года, каждый день был настоящий катарсис политических наук. Просто великолепные преподаватели! Часть из академических кругов (50 на 50), а часть тех, кто занимается непосредственно дипломатией и государственным управлением. Известные на весь мир имена. Лучшего и представить сложно.

После этого я работала в Вене заместителем главы латвийской делегации при ОБСЕ.

По настоянию России в Латвии работала миссия ОБСЕ и все подписанные договоры о выводе войск и закрытии военных объектов как бы депонировались в головной офис.

Поэтому интерес у нас был большим.

В то время происходил вывод из Латвии советских войск и довольно остро стоял вопрос об остающихся у нас военных пенсионерах. Кроме того, обсуждалась судьба объекта раннего оповещения советской ПВО (знаменитый радар), расположенного в Скрунде. Как его ни называй, но это было русской военной базой на

территории Латвии. Тогда эту мечту даже сформулировать не решались, но нам хотелось когда-нибудь вступить в НАТО, что стало бы самым большим гарантом независимости и безопасности Латвии.

Как вы понимаете, в таких условиях присутствие на нашей территории чужой военной базы, было бы абсурдно. Выбор формулировался предельно просто: либо мы сумеем договориться с Россией о ее радаре и у нас будет будущее, либо будем среди стран Советского Союза, которые не решили свои проблемы. В Приднестровье российские войска находятся по сей день. Или взять ту же Грузию.

Не без помощи дружественных стран нам удалось этого избежать. В первую очередь речь идёт об Америке, Швеции, Германии.

Теперь такого напряжения нет. Как сказал один мой коллега из дипломатического корпуса – вы стали теми скучными странами, где ничего не происходит. Да, если смотреть глазами дипломата. Но если взглянуть на происходящее с позиции обычного жителя Латвии, то можно сказать: слава Богу, что мы стали страной, где не происходит ничего экстраординарного. Просто прекрасно: за такой короткий срок мы добились статуса «скучной и спокойной страны». Не всегда это бывает плохо.

За несколько десятилетий XX века Латвия пережила то, что некоторые другие государства переживают столетия.

Потом я немного (два с половиной года) работала в Риге, а в 2000-м году стала нашим послом в соседней Литве. Пробыла там до 2004-го. Уникально-интересное время! Одновременно с литовцами мы вели переговоры о вступлении в НАТО и Евросоюз.

2-го августа 2004-го года меня назначили латышским послом в Беларусь.

— Родители живы?

— Слава Богу. Они уже пенсионеры.

У меня очень хорошие папа и мама, мы с сестрой всегда им помогаем. Она младше, зовут Инга. Помогает мужу заниматься издательским бизнесом. Растит двоих детей.

Не смотря на пенсионный возраст, отец еще работает председателем совета в своем (раньше тоже работал именно там) архитектурно-проектном институте, который после приватизации стал акционерным обществом.

Хотя у них и неплохие пенсии, но не такие, как зарплаты у работающих людей. Большая квартира, дача, машина. На содержание одних пенсий не хватает. Повторюсь, мы с сестрой в меру возможностей помогаем и делаем это, прежде всего, для того, чтобы им не нужно было менять привычный образ жизни.

У мамы довольно сложное имя – Омула. Всю жизнь она проработала медицинским работником. Много лет назад вышла на пенсию и первое, что сделала, — вновь устроилась на новую работу. Она дежурила в конюшне одной из спортшкол. Дело в том, что в молодости, еще до моего рождения, мама была чемпионкой Латвии по конному спорту. В советское время у нее даже собственная лошадь была. Не государственная — личная. Когда закончила спортивную карьеру, продала.

Я сама никогда конным спортом не занималась, но от нее мне передалась любовь к лошадям. Как к очень красивым и близким людям животным. Помимо чисто практических нюансов это еще и очень умные

животные.

Помню, как мама с гордостью сказала, что устроилась на новую работу. Оказывается, она всю жизнь мечтала заниматься лошадьми.

— А Вы чем увлечены?

— Постоянно занимаюсь большим теннисом. В советское время, после окончания университета, я немного работала переводчиком в системе Академии Наук. Точнее, в институте микробиологии Он был создан еще до войны и находился за городом. Там большой сад, где мы сделали теннисный корт. Дело в том, что тогдашний президент Академии Наук был заядлым фанатом тенниса. Поэтому в нашей системе в него играли практически все.

Занимались довольно серьезно. В нашем институте было несколько групп, которые за свои деньги нанимали тренера. Мы даже устраивали турниры.

Конечно, это любительский теннис, но на довольно неплохом уровне.

Когда работала в Вильнюсе, несколько раз в неделю ходила к тренеру для того чтобы он меня «погонял» по корту. Партнеров в чужих местах найти трудно. Особенно одного уровня. Если ты играешь лучше, то скучно будет тебе. Если лучше играет противник, то скучно будет с тобой.

Занимаюсь теннисом и в Беларуси, но сейчас пришлось сделать паузу – небольшая травма. Раньше со мной работал до недавней поры действующий чемпион Беларуси Самосейко. Прекраснейший тренер и замечательный человек. Один час в неделю.
Больше не позволяет работа.

Второе увлечение — горные лыжи. «Встала» на

них в детском возрасте. В Латвии, как и у вас в районе Логойска, есть возвышенности. Только у вас они немного искусственные, а нас совершенно натуральные. В Латвии своя Швейцария — Сигулда. Там проходил ледник, и остались довольно крутые спуски. Не хуже, чем в «Силичах». Только в отличие от ваших горнолыжных комплексов там создано все очень давно. Трассы были еще в довоенное время. И подъемники тоже.

По-моему, я их освоила в 12-13 лет. Анекдот. Когда в школе нужно было сдавать нормы ГТО, обычных лыж у меня не было вообще. И кататься на них я не умела совершенно. Ботинки там крепятся абсолютно иначе. Каблук в них свободен, а в горных лыжах жестко закреплена вся нога. И я просто падала. Полукилометровый кросс бежала на своих. В том числе и «елочкой» под горку.

В советское время несколько раз ездила в Карпаты, в Славск. Ни разу не довелось побывать на Кавказе. Для студентов это было слишком дорогим удовольствием, а когда уже работала, то не было компании.

В Швейцарии все возобновила.

Когда работала в Вене, мы шутили, что нужно писать петицию и просить перенести столицу Австрии в Зальцбург – ближе к горам. В таком случае все посольства и представительства международных организаций тоже туда переедут. Жаль, но ничего так и не написали…

Пробовала кататься на горных лыжах и здесь. Привезла в Беларусь всю свою экипировку.

22.10.09

УВЛЕЧЕНИЯ ПОСЛА ШМИДТА

Множественное число здесь использовано не случайно. А одним из недавних увлечений немецкого дипломата стало художественное фото. Руководитель офиса ОБСЕ в Минске посол Ханс-Йохен Шмидт даже планирует в ближайшее время организовать проведение в Минске фотовыставки. Это станет логическим продолжением его другого хобби – живописи. А еще он коллекционирует … слонов. Естественно, не живых, а только маленькие статуэтки.

— Откуда такая экзотика?

— Когда мой дедушка посетил Китай, то подарил своей жене, то есть моей бабушке, сувенир в виде фигурки слона, сделанный из натурального бивня. Сегодня это уже невозможно. Слоник, который стоит на рабочем столе, сделан из натурального янтаря. Таких у меня три.

— А всего?

— 40. Из различ-

ных материалов и из разных стран.

— Слышал, что Вы коллекционируете еще и картины?

— Действительно, я очень люблю живопись (в частности, современное искусство). Сочувствую моей жене, которой недавно пришлось найти место для 150 картин в нашей новой берлинской квартире. К слову, я здесь, можно сказать, совсем недавно, а уже успел приобрести несколько работ белорусских художников.

— Если позволите, перейдем к традиционным для этого проекта вопросам. Откуда Вы родом?

— Я родился 15-го апреля 1947-го года в Восточной части Германии, недалеко от известного города Ваймер (по-нашему — Веймар **– прим. автора)** и еще более известного Лейпцига. Название моей малой родины – город Наумбург. Когда-то там размещался один из генштабов Группы Советских войск в Германии.

А еще раньше в том здании находился знаменитый на всю Германию апелляционный суд. В немецкой правовой системе они играют весьма важную роль. Уходу советских войск жители несказанно обрадовались – очень уж уродливо смотрелся в самом центре города генштабовский забор.

Наумбург известен еще тем, что там есть церковь, которая объединила в себе готику и стиль романтизма. А еще очень многие знают Веймарский регион как родину писателей Шиллера и Гёте.

Есть в Веймаре и еще одна «достопримечательность». В годы войны там располагался концентрационный лагерь Бухенвальд. Иногда его знают даже больше, чем сам город. Думаю, те, кто тогда

жил рядом, догадывались, что там происходит что-то ужасное.

Одна из причин, по которой я решил пойти на дипломатическую службу, — это то, что работа в МИД позволяет постоянно менять места дислокации, а значит постигать что-то новое в различных областях (в международном праве, в экономике, в менеджменте офиса и т.д.). Изучать что-то новое, привыкать к новым культурам, языкам, к новой ситуации – это постоянный вызов. Такие перемены сохраняют нас молодыми.

Учебу начал еще в Восточной части Германии. Это позволило освоить азы русского языка. У нас были очень хорошие учителя.

Любопытным опытом для меня, в то время 10-летнего ученика, явилось получение награды «за блестящее знание истории» из рук главы политической молодежной организации («Свободная демократическая молодежь»), членом которой я стать категорически отказался, несмотря на отчаяние учителей и школьного руководства. В то время я не хотел связываться с политической деятельностью и предпочитал проводить свободное время в соответствии с моими интересами. Например, каждый день я рулил пассажирской лодкой.

Так получилось, что когда мне было 13 лет, родители решили покинуть мой родной город. Они посчитали – более хорошее образование я получу на Западе. Мы переехали в тогдашнюю столицу ФРГ Бонн.

— Из Восточной части в Западную. Так просто?

— Это было за полтора года до начала строительства «берлинской стены». Тогда получить разрешение на путешествия было более-менее

нетрудно.

Сразу же пошел в гимназию. Потом поступил в Боннский университет. Изучал право. Там и краткосрочно в Гааге в Международном суде.

В Бонне я познакомился с первой женой. Она француженка. У нас два сына — Оливье и Эммануил, 33 и 31 год. Старший (Оливье) сейчас работает в Бангладеш.

— Дипломат?

— Нет. Хотя мы обсуждали эту тему. Я ему советовал пока не идти в МИД, потому что там сразу занять достаточно высокий пост и влиять на политику министерства, невозможно. Должностной иерархии он предпочел самостоятельность, так как достичь ее в какой-нибудь официальной структуре довольно сложно.

На мой взгляд, наш МИД вполне может использовать его в качестве посредника в различных конфликтах. Он изучал психологию, менеджмент, имеет практический опыт. Словом, все возможности для компетентной работы в этой области у сына есть.

Эммануил работает в сельском хозяйстве. Любит свою работу и добился там немалых успехов. По-моему, он принял правильное решение.

Когда я работал в Египте, сыновья были еще маленькими. Два года изучали арабский язык. Наверное, им там было очень интересно. Другая культура, религия.

После того, как я развелся с первой женой, их воспитанием занималась в основном она. Вторую жену зовут Кэрол. С моими сыновьями у нее тоже довольно хорошие отношения. Я по этому поводу шучу, что теперь у них есть возможность в некотором роде пользоваться

помощью двух матерей.

Кэрол родом из Америки, поэтому моим сыновьям предоставилась возможность посетить США и кроме владения французским языком попрактиковаться еще и в английском. Этим особенно интересуется старший. Я ведь не зря сказал, что он мог бы быть неплохим дипломатом. Оливье достаточно хорошо говорит еще по-арабски, по-еврейски и лучше, чем я русский, знает фарси. Любую иностранную литературу предпочитает читать в оригинале.

С Кэрол, работавшей тогда в Бонне, мы познакомились на празднике, посвященном восстанию 13-го июня 1953-го года, которое произошло в Восточной части Германии. Я решил где-то немного расслабиться, она тоже. Встретились в студенческом клубе и начали разговор совершенно случайно. После этого я решил, что было бы неплохо встретиться еще раз. Это стало началом нашей дружбы. Живем вместе уже 21 год, а знаем друг друга 25.

— Предлагаю вернуться к работе в МИД.

— В 1977-ом году состоялась моя первая командировка в Египет. В нашей дипмиссии я курировал сначала культуру, а потом экономику. Затем было возвращение в Бонн, где активно начал заниматься строительством Европейского Союза, разработкой внешней политики ЕС.

После была работа в Конго, США. Об одном событии хочу рассказать подробней. Это открытие 9-го ноября 1989-го года выставки берлинского искусства в Атланте. Буквально накануне объединения. Это было то, о чем я мечтал, но во что не верил.

В мае того же года, кстати, во время прощальной

речи (лекции о немецкой истории после Второй Мировой войны в немецком культурном центре города Киншаса) на вопрос одного журналиста о том, доживу ли я до объединения Германии, я дал отрицательный ответ.

Объединение Германии воспринималось как дар истории, за который мы должны быть благодарны американцам и русским. Кто в Германии в момент падения стены верил, что советские войска будут выведены в течение трех лет, в точном соответствии с планом и соглашениями, разработанными сторонами?

Падение Берлинской стены в 1989-м году и распад Советского Союза в 1991-м ознаменовали начало новой эры для «цельной и свободной Европы». Для меня, немецкого дипломата, эти события явили собой определенный вызов, поскольку в ежедневной работе я постоянно сталкивался с последствиями пакта Риббентроппа-Молотова, систематического преследования евреев, которые играли, между тем, ключевую роль в культурной и общественной жизни в тех странах и местах, в которых я работал последние 12 лет (в Санкт-Петербурге, Киеве, Минске).

Таким образом, родилось отчетливое желание внести свой скромный вклад в преодоление частично существующего водораздела между Западной и Восточной Европой, а также в сближение Востока и Запада на благо всей Европы и ее жителей.

И вновь возвращение в МИД, где я занялся договорами, которые мы заключили с бывшим странами СНГ. Очень интересно и далеко непросто. Понадобились серьезные усилия, чтобы уговорить Россию включить в такой договор пункт о развитии демократии и соблюдении прав человека. Если одна из сторон его нарушает, это дает возможность другому

партнеру временно приостановить действие этого документа. Для России принять такое обязательство было сложно. К слову, с Украиной договориться было гораздо проще.

Такие переговоры состоялись и с Беларусью. В середине 90-х годов удалось достичь принципиальной договоренности, но потом политическая ситуация изменилась. Ничего подписано не было. Наоборот, даже пришлось приостановить техническую помощь.

После Бонна с 1996-го года по 2000-й работал в Санкт-Петербурге, затем в Киеве, вновь вернулся в Германию и только в феврале этого года приехал сюда.

Подчеркну: избрание на должность заместителя Генерального консула в Санкт-Петербурге – это была реализация мечты работать в Восточной Европе. Вначале в России, затем в Украине, а сейчас и в Минске. Эта работа дает возможность улучшать мой русский, знакомиться с различными культурами, традициями, произведениями искусства в различных частях бывшего Советского Союза, наблюдать за развитием Восточной Европы, а также за попытками создавать новые государства и национальные образования. Все это особенно интересно наблюдать немцу, такому, как я.

На вакантное место руководителя офиса ОБСЕ претендовали сразу несколько человек. В Вене проводили настоящий конкурс. Впервые за многие годы мне пришлось вновь сдавать экзамен. Выиграл, но новый пост получил не сразу. Предварительно ваше правительство захотело со мной познакомиться. Как известно, с немцами у них связаны различные воспоминания….

Можно сказать, что уже существует как бы традиция: офис ОБСЕ здесь возглавляют уроженцы

Германии.

Когда я сюда приехал, ситуация в политическом смысле немного осложнилась. США сняли часть санкций, и оппозиция была не совсем довольна нашим подходом. Это стало своеобразным вызовом, на который я сразу же был обязан отвечать. Думаю, нашей командой мы успешно справились со всем.

Честью и удовольствием является работа в такой организации, как ОБСЕ, где разрешение конфликтов и диалог записаны в генетическом коде. Я хорошо помню «Хельсинкский процесс», утверждение Заключительного Акта в Хельсинки и создание Конференции по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, что явилось важным многосторонним форумом для диалога между Востоком и Западом.

Повторюсь, что работа в такой организации, как ОБСЕ, является очень ценной. Эта организация стремится отвечать новым и сложным вызовам безопасности в 21-м веке (на Балканах, Кавказе, в Средней Азии). Задачи, стоящие перед ней, очень обширны – от борьбы с изменением климата до борьбы с терроризмом, что еще раз подтверждает: сотрудничество в рамках ОБСЕ является сегодня востребованным как никогда.

— Кроме увлечений, с которых мы начали разговор, есть еще и другие?

— К сожалению, почти все время приходится уделять работе. Люблю литературу, музыку. Хотя и не играю на каком-либо инструменте. Раньше ненавидел оперу, но потом в корне изменил свое отношение.

Это произошло благодаря хорошей подруге, которая убедила, что опера — дело стоящее. В

Германии есть хорошие оперные сцены. Например, в Гамбурге. В некотором смысле это консервативный город, поэтому несколько неожиданно, что именно туда пригласили австралийского режиссера, которая кардинально изменила весь репертуар. И убедила в этом публику.

Очень интересно в Санкт-Петербурге было работать с Мариинским театром.

К слову, в различных мидовских структурах работал около 30-ти лет и только сейчас перешел в ОБСЕ. Это первый случай, когда я работаю как дипломат вне немецкого министерства иностранных дел.

30.10.09

“ПАМЯРКОЎНЫ” ШВЕД-2

Больш за год таму, было надрукавана інтэрв’ю з кіраўніком аддзялення амбасады Швецыі ў Беларусі Стэфанам Эрыксанам. Як кажуць, з той пары ўжо сплыло шмат вады, таму са змен мы і пачнём. І размаўляць будзем менавіта на беларускай мове, бо шведскі дыпламат ведае яе не горш за некаторых беларусаў.

— Якімі былі перамены?

— Рознымі.

Адной з самых кардынальных стала тое, што мяне прызначылі першым шведскім амбасадарам у Беларусі.

Канешне, сказаць, што прызначэнне стала абсалютна нечаканым, нельга, бо дагэтуль я ўжо тры гады працаваў у Беларусі. І ўсё роўна гэта не магло быць поўнай гарантыяй прызначэння. Рады, што шведскі ўрад вырашыў менавіта так. Безумоўна, новая пасада — вялікі гонар і адказнасць. У якасці амбасадара я ўжо працую тры месяцы. Размова пакуль адбываецца ў тым жа будынку, што і ў 2007-м, але у наступным годзе нас чакае пераезд. Новы будынак будзе недалёка ад гэтага.

Так, у нейкім сэнсе мая праца змянілася, аднак яе асноўныя моманты засталіся нязменнымі. Абавязкаў стала больш, але дапамагае тое, што больш стала і нас, бо раней я працаваў тут толькі адзін. Дакладней, быў адзіным шведам. Зараз у мяне чатыры супрацоўніка і калегі, якія прыехалі са Швецыі.

Паявіліся кіруючыя абавязкі, чаго цалкам не было раней.

Для мяне новае прызначэнне з’явілася ў нейкім сэнсе сапраўдным выклікам, бо работы стала больш і погляды на некаторыя рэчы трэба змяніць. Пакуль падабаецца. Спадзяюся, што тыя, чыста практычныя моманты, якія ўзнікаюць, калі ствараеш амбасаду, з цягам часу адыдуць убок. У мінулым было прасцей. Калі існавала аддзяленне, я працаваў там адзін. Можна сказаць, кіраўнік і падначалены ў адным твары. Зараз сітуацыя змянілася Да адміністрацыі амбасады ўзнікае шмат патрабаванняў, і гэта ў нейкім сэнсе стамляе. Спадзяюся, што праз некаторы час усё ўсталюецца.

Летам быў у Швецыі на нейкіх курсах. Адзін з выкладчыкаў казаў, што самае галоўнае для кіраўніка зрабіць так, каб была магчымасць самому не рабіць нічога. Канешне, такое не атрымліваецца, але, сапраўды, вельмі добра, калі ёсць таленавітыя калегі,

якія з задавальненнем бяруцца за новыя заданні. Зразумела, калі чалавек прызвычаіўся ўсё рабіць сам, то яму трэба ў галаве зрабіць нейкую перабудову, асэнсаваць – ёсць людзі, якім можна перадаць частку сваёй работы.

— У Беларусі вы ўжо тры гады. Значыць, у наступным годзе трэба чакаць звычайную для дыпламатаў замену?

— Не. Мяне прызначылі яшчэ на тры. У суме, відаць, будзе шэсць год.

— Ведаю, што вы за гэты час вельмі шмат ездзілі па Беларусі, кантактавалі з людзьмі. Што больш за ўсё ўразіла? Прапаную абмежавацца толькі культурай.

— Адбылося так шмат значных і цікавых падзей, што адзін эпізод выдзеліць вельмі цяжка.

Мае вывучэнне беларускай мовы адчыніла нямала дзвярэй да культурнага жыцця Беларусі.

Кантакты з дзеячамі культуры, пісьменнікамі, музыкантамі, мастакамі, акцёрамі дапамаглі лепш зразумець беларусаў, Беларусь, вашу гісторыю. Ды і ў чыста чалавечым плане яны пакідаюць моцны адбітак.

Даволі часта сустракаюся з пісьменнікамі, хаджу на канцэрты, розныя музычныя фэсты, выставы, у тэатр. Я мог бы толькі гэтым і займацца, бо запрашаюць даволі шмат, аднак, на жаль, не ўсюды магу паспець. Але мінімум раз у адзін-два тыдні імкнуся такое ўражанне атрымаць.

— Наколькі мне вядома, Вы займаецеся не толькі вывучэннем беларускай культуры, але і

дапамагаеце беларусам больш пазнаёміцца са шведскай?

— Так, і гэта не менш важна. Мы з здавальненнем паказваем беларусам лепшыя ўзоры шведскай культуры, старажытнай і сучаснай. Цікава, калі адбываюцца нейкія перакрыжаванні, а паміж прадстаўнікамі двух культур узнікаюць пэўныя кантакты.

— Даводзілася чуць, што Вас нават трэба прызначыць беларускім міністрам культуры. Канешне, гэта жарт. А зараз абсалютна сур'ёзнае пытанне. Вы, не глядзячы на тое, што існуе шмат варыянтаў перакладу на рускую мову, дапамаглі выдаць "Карлсана, які жыве на даху" і "Пэпі Доўгая панчоха" менавіта па-беларуску. Чаму?

— Адразу хачу падкрэсліць, што гэта не мы, не амбасада. Канешне, наша падтрымка была, але сама ідэя ўзнікла не ў мяне. Яна належыць беларускім энтузіястам. Мы толькі дапамаглі ўстанавіць кантакты са Шведскім інстытутам, які палічыў, што гэта вельмі добрая ідэя. Аказалася, што раней былі пераклады на беларускую мову твораў нашай пісьменніцы Астрыд Ліндгрэн. Вось "Браты Львінае сэрца".12 тысяч асобнікаў. Для 1997 года, пагадзіцеся, вельмі не дрэнна. Трохі пазней выйшла "Кніга Лота". Гэта дапаможнік па вывучэнні англійскай мовы.

Ведаю, што водгукі на дзве выданыя кнігі былі вельмі станоўчымі, а перакладчыкі зараз рыхтуюць працяг, бо таго ж "Карлсана" пакуль што выйшла толькі першая частка. Мару, што будуць пераклады іншых твораў шведскіх пісьменнікаў. І гэта не толькі казкі, але і сучасная шведская літаратура. Спадзяюся таксама, што беларускія выдаўцы будуць праяўляць цікавасць і

надалей. А што датычыцца ўзгаданых кніг, то яны былі выдадзены менавіта на беларускай мове невыпадкова, а для таго, каб у бацькоў і дзяцей такая магчымасць была ўвогуле.

Магу таксама дадаць, што зараз ёсць некаторыя дасягненні і ў перакладзе беларускай літаратуры на шведскую мову. У нас былі надрукаваны два вашых твора. Першы выпадак, калі перавод рабіўся непасрэдна з беларускай мовы на шведскую, а не “праз” рускую, як гэта было наконт кнігі “Кар’ер’” Васіля Быкава. На гэты раз аповесць Быкава “Аўганец” пераклалі “без пасрэднікаў”. Як і кнігу Барыса Пятровіча. Як вядома, яго “Фрэскі” даволі аб’ёмная рэч. На шведскай мове будзе не ўсё, а толькі падборка літаратурных эсэ.

—“Аўганец” перакладалі Вы?

— Не. Гэта зрабіў прафесійны шведскі перакладчык, які прыязджаў сюды некалькі разоў. Раней ён валодаў толькі рускай мовай, а зараз перакладае і з беларускай. А Пятровіча перакладаў ваш суайчыннік Зміцер Плакс, які даўно жыве у Швецыі. Ён ужо здольны перакладаць на шведскую мову. Так што нейкая база для такой работы створана, і гэта дае надзею на тое, што “працэс пойдзе”.

— За тры гады вы праехалі амаль усю Беларусь. Што ўразіла больш за ўсё?

— Калі гаварыць пра прыроду, то гэта Белавежская пушча. Я быў там некалькі гадоў таму. Вельмі спадабалася і Палессе. Летам адпачываў на Прыпяці. Цяжка было дайсці, аднак я дабраўся да сапраўднага беларускага балота.

А вясной гэтага года быў у азёрным краі, на

Браслаўшчыне. Прыродныя мясціны там унікальныя.
Даводзілася бываць і на Нарачы.

— На фота вы таксама каля вады?
— Гэта Пціч. А ў руках – водныя лыжы.

— Вы на іх катаецеся?
— На жаль, гэтым летам пакатацца атрымалася не так шмат. То з'язджаў, то не вельмі спрыяла надвор'е. Натуральна, што, як швед, я валодаю і звычайнымі лыжамі, і горнымі. А водныя асвоіў толькі ў Беларусі. Так атрымалася, што выпадкова ўсім калектывам паехалі на вядомую лодачную станцыю. Каб зразумець, што гэта такое, адзін раз паспрабаваў. Спадабалася. Водныя лыжы сталі маім чарговым хобі. Мінулым летам мы былі там усёй сям'ёй, і мае дзеці таксама паспрабавалі водныя лыжы. І ім таксама спадабалася.
Па ўзросту я ўжо не магу стаць прафесіяналам, але як аматар катаюся не дрэнна.

— Вы катаецеся толькі ў Беларусі?
— Так. У Швецыі ў юнацтве адзін раз паспрабаваў, але гэта можна не лічыць.

08.10.08

ТОТ САМЫЙ РЕГАК

Понятно, что это интервью с бывшим Временным Поверенным Словакии в РБ Любомиром Регаком сделано с помощью электронной почты. Разумеется, по всяким журналистским канонам любой материал, прежде чем печатать, нужно приводить к «общему знаменателю», но на этот раз я решил этого не делать.
В первую очередь потому, что в подобном абсолютно нет никакой необходимости.

— Кем и где Вы сейчас работаете?

— Сразу после завершения дипломатической миссии в Минске я был направлен в Брюссель постоянным представителем Словакии в Комитет по вопросам политики и безопасности Евросоюза. Это

значит, что я работаю в словацком постпредстве при ЕС и от Словакии принимаю участие в заседаниях комитета. Это относительно новое образование, созданное в 2000-ом году, целью которого является постоянный контроль над процессами общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Комитет руководит деятельностью рабочих групп, подчинен Совету Министров иностранных дел ЕС, для которого готовит проекты решений в сфере совместной внешней политики и контролирует выполнение решений в этой области. Важной составной частью работы является руководство процессами Европейской политики обороны и безопасности. В ее рамках Евросоюз выполняет целый ряд миротворческих операций за рубежом. Европейские военные, полицейские и гражданские эксперты под эгидой ЕС находятся, например, в Боснии и Герцеговине, Косово, Афганистане, Ираке, Чаде, Конго и т.п. Среди действий, которые начались уже при моем непосредственном участии, и миссия наблюдателей в Грузии, и операция по предотвращению пиратских атак у побережья Сомали.

Начинаем заниматься проектом Восточного партнерства ЕС, предназначенного также и для Беларуси. Это достаточно высокая степень экономической интеграции с Евросоюзом. Уже сегодня ясно, что она станет одной из приоритетных тем внешней политики Словакии. Естественно, ее мы будем активно поддерживать и внутри Евросоюза.

Конечно же, я стремлюсь держать линию разговора вне политики, но удается это так же, как в старой советской шутке про рабочую, которая крала детали со своей фабрики по производству швейных машин, чтобы

одну «на халявку» собрать дома, но из деталей всегда получался лишь автомат Калашникова...

— Как Вам работается в столице единой Европы?

— Я в шутку говорю, что принципиальных изменений в моей жизни не произошло — всего лишь поменял «Б» на «Б» — Беларусь на Бельгию. Я не пришел в неизвестную среду — до моей белорусской загранкомандировки работал еврокорреспондентом МИДа, то есть координировал связь словацкого МИДа с ЕС в вопросах внешней политики. Только тогда я из Братиславы направлял инструкции на заседания нашему тогдашнему послу в Комитете по политике и безопасности, а теперь сам стал их получателем.

Жизнь в Брюсселе в общем приятная. Бельгия уже более 50 лет как ютит у себя тысячи дипломатов, работающих в структурах Европейского Союза и НАТО. Но есть вещи, к которым привыкать сложно. В Беларуси и Словакии такого просто не бывает. Бельгийцы, например, ревниво блюдут свое рабочее время: если магазин работает до шести вечера, то весьма вероятно, что вас в первую минуту седьмого уже не обслужат. А в воскресенье и вовсе почти все магазины закрыты, включая гипермаркеты.

Стала полной неожиданностью и забастовка брюссельского общественного транспорта. Люди, вместо того, чтобы добираться на работу на машинах или в такси, предпочли продлить себе выходные...

Словом, здесь есть вещи, на которые я смотрю критически или с удивлением, но при этом стараюсь запастись терпением в духе девиза Евросоюза – „unitas in diversitas — «единство в разнообразии».

Район Брюсселя, где расположены структуры ЕС, чем-то напоминает Вавилон – очень много разных языков. Это лингвистическое разнообразие очень нравится. Люди, как правило, знают по несколько языков. И за столом они могут переходить с одного на другой, совершенно не обращая на это никакого внимания.

— Поддерживаете ли с кем-нибудь из Беларуси коммуникации? Если да, то с кем и какие?

— Канешне, кантакты працягваю. Найперш – працоўныя, бо ў галіне замежнай палітыкі ЕЗ мы займаемся таксама і адносінамі з Беларуссю. Ёсць сувязь і з нашымі дыпламатамі ў Мінску, і з беларускімі ў Брусэлі, а таксама і са шматлікімі прадстаўнікамі грамадскай супольнасці: палітолагамі, эканамістамі. Тымі, якія жадаюць, каб Беларусь заняла, як казаў Купала, свой пачэсны пасад між народамі.

Люблю таксама час ад часу пагаманіць па-беларуску з Вольгай Стужынскай, прадстаўніком брусельскага "Офіса за дэмакратычную Беларусь". Яна робіць шмат добрай працы на карысць Беларусі і мае адчыненыя дзверы ў такія кабінеты, пра якія некаторыя дыпламаты могуць толькі марыць.

Ёсць кантакты прыватныя – з нашымі сямейнымі сябрамі. Дарэчы, апошнім летам мы з жонкай запрасілі некаторых у Славаччыну і, дзякуючы ім, зноў агледзелі самыя прывабныя мясціны нашай радзімы. Чакаем іх прыезду ў Брусель.

— Как восприняли переезд жена и дочери? Чем они сейчас занимаются?

— Моя супруга и дочки привыкают к номадскому

(кочевому – **прим. автора**) образу жизни дипломатической семьи. Безусловно, это сложно, но тут ничего не поделаешь. Моя жена впервые за время наших загранкомандировок нигде не работает. Пока вроде бы довольна, только жалуется, что времени у нее еще меньше, чем было в Минске, где она трудилась в консульском отделе нашего посольства.

Старшая дочь посещает школу, а младшая — детский садик в европейской школе, созданный специально для служащих структур Евросоюза.

Мы с женой решили, что они будут ходить в классы с обучением на английском языке. При этом у них обеих есть и уроки словацкого языка, что значительно облегчает нашу жизнь. Дело в том, что старшая дочка, учась в минской гимназии, должна была заниматься с нами и словацким, а летом сдавать экзамены в Братиславе. Для нее, конечно, было нелегко пойти в класс с совершенно другим языком обучения. Но дети быстро привыкают. Получается у нее неплохо, а главное — есть хорошая возможность выучить еще один общемировой язык.

— Вспоминается ли Беларусь?

— Натуральна, пра Беларусь мы марым усе. Дыпламаты заўсёды пакідаюць частку сэрца ў краіне, дзе працуюць. Жонка ўспамінае сваіх сябровак, дочкі – школу і садзік. Моцная духоўная сувязь з Беларуссю засталася і ў мяне. Я чытаю беларускія сайты ў інтэрнэце. Калі жадаю паслухаць прыгожую беларускую мову, ўключаю звычайна радыё “Свабода”. Да святаў хасу перакласці на славацкую мову яшчэ адзін верш Ніла Гілевіча з ягонай новай кніжкі. Гэта верш пра праўду, якую паэт усё жыццё жадаў спазнаць і, будучы

аголенай, праўда яго зруйнавала. Верш не аптымістычны, але вельмі моцны — паглядзіце толькі канец:

„І вось яна ўрэшце адкрылася мне-/ ні чым не прыкрытай паўстала. / У поўнай істоце. Ва ўсёй галізне. / ... І праўда мяне зруйнавала.“ Я спадзяюся, што Ніл Сымонавіч будзе задаволены перакладам.

Да святаў мы з дочкамі павінны паўтарыць прыгожыя беларускія калядкі. У нашай сям'і радасная вестка пра нараджэнне Збаўцы ў шчодры вечар прагучыць, акрамя іншых моваў, і па-беларуску.

Час, у якім Стары год сустракаецца з Новым, поўны дабра, зычлівасці, надзеі і ўспамінаў. Як спявае Рыгор Барадулін, – на святыя Каляды і ў зорак далёкіх цяплеюць пагляды. Перадайце, калі ласка, у гэты святочны час вашым чытачам мае шчырыя віншаванні і зычэнні дабрабыту, здароўя і поспехаў у жыцці.

25.11.08

ДИПЛОМАТ, КОТОРЫЙ НЕ СИДЕЛ

Он очень любит живопись, с удовольствием посещает многие выставки и музеи. И это, на мой взгляд, неслучайно, ведь вся его жизнь чем-то сама похожа на большую картинную галерею. Достаточно сказать, что дипломатом Временный Поверенный в делах Чехии Йиржи Карас стал в 65 лет от роду.

— Наверное, разговор с чехом надо начинать с пива?

— Увы, к пиву абсолютно равнодушен и пью его 5-6 бутылок в год. Дело в том, что я родом из Моравии, а там предпочитают красное вино. Оно мне очень нравится. Всю свою жизнь каждое воскресенье выпиваю один бокал.

Естественно, взрослую...

— Вот к ней и перейдем.

— Отец, как и многие наши предки, был врачом. Звали его Ян. Молодость моя отмечена тем, что кто-то из нашей семьи постоянно был в тюрьме. Сидели все (кроме меня) близкие родственники. Повторюсь: я был единственным человеком с фамилией Карас, который постоянно находился на свободе. Зато меня перед выпускными экзаменами исключили из школы, блокировали любые попытки устроиться на работу. Фактически, выкинули на улицу. Если бы не добрые люди, которые помогли устроиться столяром, я бы, скорее всего, жил под мостом.

Объяснение было такое. Я искал работу. Знакомый работал каменщиком и мостил улицы. Он-то и хотел взять меня к себе, но партийные начальники говорили, что если я буду работать на улице, то это очень оскорбит рабочий класс.

На самом деле все было абсолютно не так. Мне повезло познакомиться с настоящими трудягами. Они ничего общего не имели с идеологическими клише, что насаждались коммунистическим режимом в те времена.

— А родственники за что сидели?

— За политику. Это моя большая гордость.

Старшего брата, как и отца, звали Яном. Ему сейчас 74 года. До сих пор работает, имеет свой бизнес. А раньше он был инженером.

Я родился 30-го июля 1942-го года.

Но вернемся к юности. Именно рабочие помогли мне сдать выпускные экзамены. Работая на заводе, я предпринял еще одну попытку получить школьный аттестат, но это мне опять не дали сделать. О том, что произошло, я рассказал тем, кто работал со с мной. Они пошли к директору и услышали ответ: рабочий

класс этого не хочет. На что было твердо сказано: мы — рабочий класс, и очень хотим, чтобы он сдал экзамены. Так я получил свидетельство о среднем образовании, где были настоящие оценки, а не «белый билет».

После этого два года служил в мотопехоте.

Поначалу были большие проблемы, но у меня был актерский талант к декламации. Выигрывал все конкурсы. Естественно, это прославляло моих начальников, и они уже не были ко мне столь придирчивы.

Когда служба уже подходила к концу, один из них позвал меня к себе и спросил: знаю, что ты хочешь учиться в университете? И услышав мой положительный ответ, заверил, что это обеспечит.

Помня о своем горьком опыте, я ему не поверил. Выбрал университет, где в те годы никто не хотел учиться, то есть сельскохозяйственный. Поступать он поехал вместе со мной. Я сдал все экзамены, но там сказали, что меня по политическим мотивам брать отказываются. Он пошел к руководству и ударил кулаком по столу: я довоенный коммунист, сражался с фашистами, потому приказываю вам этого человека взять. Наверное, такие эмоции свою роль сыграли и меня зачислили в студенты.

В те годы в Чехии началась политическая оттепель. Родители и брат вернулись из тюрьмы, а мне даже какое-то время повезло поучиться в Германии. Было это так. После своего университета я поступил в аспирантуру. Именно она и направила меня на учебу за границу.

В 1968-м году Чехия, как известно, была оккупирована советскими войсками. Оттепель

закончилась. Передо мной встала дилемма: вернуться на родину или остаться в Германии? Выбрал первое.

И снова стал безработным. Моя мама Вилма написала письмо Генеральному секретарю Коммунистической партии Чехословакии с просьбой … опять всей семьей вернуться в тюрьму, ибо я не мог устроиться на работу. В итоге работу все-таки дали. В колхозе. Ту, на которую идти не хотел никто, но я был очень доволен.

Через два года был перевод в совершенно другое место. Дескать, у меня большое влияние на людей, а идеологически компартия не может принять идеи католической церкви.

На пятом курсе сельскохозяйственного университета, я решил получить второе образование и заочно начал учиться еще и на юридическом. В знаменитом Карловом университете. Но закончить его сразу не удалось. Когда об этом узнали «наверху», меня сразу же исключили. За антисоветское и антисоциалистическое поведение. 1974-ый год. Безусловно, обидело и оскорбило это очень сильно. Тогда я сказал секретарю нашего райкома, что обязательно закончу свою учебу. Даже если не смогу ходить и дети принесут меня туда на руках. Он тогда рассмеялся. Но, слава Богу, через 16 лет, точнее в 1990-м году, именно так и произошло. Причем, экзамены пришлось сдавать дважды. После первого раза (бюрократические процедуры) нужно было ждать целый год, но я этого делать не стал, а чтобы ускорить процесс, все экзамены сдал по новой.

К слову, в докторантуру я не хотел идти принципиально, думал ограничиться всего лишь степенью магистра. Зачем? Только для того, чтобы на

могиле написали «доктор»? Но доцент, которая принимала у меня тогда экзамены, подобную логику не приняла. И, несмотря на мои возражения, записала в докторантуру. Однако ни на что это не повлияло. Дома я договорился, что ничего делать не буду. Через восемь месяцев она меня встретила и спросила: «Когда Вы придете?». Я ответил, что никогда, но она тоже была упрямой и назвала конкретную дату – 20-го мая 1991-го года. Пришлось сдаться.

После этого я почти 17 лет был депутатом чешского парламента. До 2006-го года.

К сожалению, восемь лет назад у меня от рака умерла жена Хелена. У нас был прекрасный брак, хотя жениться я очень не хотел.

— С этого места, пожалуйста, поподробней…

— Девушки мне нравились всегда.

А в 1971-ом году, как раз, с одной из них расстался. Очень красивая, но не моя. Понимал, что в будущем придется туго, но в открытую пойти на разрыв не решался. Я тогда работал в колхозе и ремонтировал со своими сотрудниками маленькую деревенскую церковь. Попросил икону Божьей матери: «Дева Мария, помоги мне!» Вернулся домой, а у дверей стоит прекрасная незнакомка. Она сказала: «Я Вас знаю, моя мать работала с Вашим отцом. Мне нужно в школу что-нибудь из вашего колхоза, какие-нибудь письменные материалы».

Через несколько дней пришла еще раз, вся в слезах: «Извините, мой отец принес маленькую собаку, она погрызла все бумаги». Я ответил: «Ничего страшного». В качестве моральной компенсации она принесла бутылку хорошего красного вина. Я долго

отказывался, но потом пошел на уступки при условии, что пить мы будем вместе. Через неделю она позвонила. Мы встретились в кафе и познакомились ближе.

А спустя четыре года поженились. Повторюсь, я очень этого не хотел. Боялся, но она нашла общий язык с моей мамой и та буквально, заставила повенчаться. Кстати, есть фото, где мать в прямом смысле слова тащит меня за руку к алтарю.

Перед венчанием произошло и еще одно почти ЧП. Приехав в Брно, мы поселились в гостинице. Но прежде, чем туда попасть, пришлось немного понервничать. Дело в том, что я совершенно не знал города, но будущая жена успокоила. Дескать, она полностью в курсе.

Оказалось, слукавила, ибо это было далеко не так. В гостиницу мы добрались после долгих блужданий. Я был сильно зол, сказал родителям, что свадьбы не будет. Собрался уже ехать домой, но в этот момент к нам присоединился мой друг из Германии. Он поинтересовался, чем я озабочен и успокоил: « У меня были уже три свадьбы и всё можно пережить. Дурак, венчание в костеле – на всю жизнь». Он оказался прав. Жена была очень хорошим человеком.

Режим все время был против меня, хотя в колхозе я умел самые лучшие показатели. Они все время искали, за что бы зацепиться, но ничего найти не могли. Обвинить меня можно было только в неприятии коммунистической власти.

Но это только на официальном уровне. Люди ко мне относились очень хорошо, в друзьях были все коммунисты. Власти смогли только исключить из университета, где я получал юридическое образование. К слову, они и моей будущей жене советовали не

создавать себе проблем, породнившись с семьей Карас
На что было заявлено: «Я его люблю.»

Жили мы с женой очень хорошо. Почти вместе с моими родителями, ибо наши квартиры располагались совсем рядом. Она родила мне дочь Хелену и сына Йиржи.

В 1989-ом году почти в 88 лет умер мой отец, а в 1993 ушла в возрасте 82-х лет и моя мать. Я думал, что больше хоронить никого не придется, но, увы, ошибся. Когда умирала моя мать, она сказала жене: последний приказ — посетить врача, не нравится мне твоя грудь. Жена так и сделала, но было уже поздно… Хотя после этого и прожила 7 лет.

В 2000 году она ушла. Для нас это было очень страшно. Перед смертью она сказала: если случится чудо, я буду жить и все будет в порядке. Если чуда не произойдет, тоже хорошо, ибо тогда я буду рядом с Иисусом Христом. Так что не бойся, в любом случае со мной будет все нормально.

— А как Вы стали дипломатом?

— После падения коммунистического режима я почти 17 лет был депутатом чешского парламента в христианско-демократической фракции. Это — Срок. Дольше меня депутатствовал только один человек.

А дипломатом я хотел быть с детства. Им был мой дядя. До 1948-го года он служил нашим послом в Швейцарии. А еще дипломатом был прадедушка. Во времена Австро-Венгрии.

Несколько лет назад эта мечта сбылась. 25-го июня 2007-го года меня назначили в Беларусь консулом, а полгода назад стал здесь нашим Временным Поверенным.

04.12.08

ОСТРОУМНЫЙ ДИПЛОМАТ

Молодежь наверняка бы сказала – прикольный, но я предпочитаю классические эпитеты. Тем более, что в них нет никакого преувеличения. Среди иностранных дипломатов, которые сейчас аккредитованы в Минске, Чрезвычайный и Полномочный Посол Литвы в РБ Эдминас Багдонас является одним из самых юморных. Это не только не мешает занимать столь серьезную должность, но и сильно помогает свойственной дипломатическим работникам коммуникабельности. Да и юморит он далеко не всегда.

— Видел по телевизору, что Вы неплохо готовите.

— На ОНТ в утренней воскресной передаче гости каждую неделю что-то готовят.

— Да. Только

иностранных дипломатов там никогда не было.

— Меня пригласил господин Хрусталев. Я вспомнил старинный рецепт яичницы. Это бывает редко, но по выходным я всегда стараюсь готовить своим близким именно это блюдо. Благо, все довольно быстро. Делать ее научил меня мой отец, а его, наверное, его отец.

Эта яичница очень нравится жене и детям. Они у меня уже взрослые. Младшему сыну Мартинасу девять лет. А дочери, которую зовут Рута, уже исполнилось двадцать. Сын живет с нами, а Рута учится в университете в Лондоне.

Это, к слову, еще одно преимущество Европейского Союза. Их сейчас очень много, только нужно уметь правильно пользоваться. В Литве уже научились. Правда, делается все не так уж и легко. Для нас это стало в некоторой степени вызовом. Нужно правильно использовать деньги ЕС, чтобы экономика могла развиваться правильно. Особенно это важно сейчас, когда начинают развиваться кризисные явления. Так называемого «эффекта приземления» таким образом добиться гораздо легче.

— Если позволите, перейдем непосредственно к Вам. Где и когда Вы родились, папа, мама, братья, сестры?

— Прямо как на допросе.

Родился в Каунасе 23-го октября 1963-го года. Самая граница «Весов» и «Скорпионов». Когда я с женой иду в магазин и думаю, что нужно или не нужно покупать для семьи, то здесь я «Весы», ибо колеблюсь. Если что-то нужно купить мне, то здесь я решительный, как «Скорпион». Шутка, конечно.

В школу пошел в Вильнюсе, куда переехали мои родители. Отец получил туда новое назначение. Раньше он был военным летчиком, но попал в авиакатастрофу и перешел в авиацию гражданскую, где работал в профсоюзе. Потом он стал юристом. Теперь залуженный юрист Литвы. Адвокат. К моей радости, еще работает.

— Из летчиков переквалифицироваться в юристы очень непросто. Особенно в хорошие.

— Он у меня широкого профиля. Его зовут Романас-Йонас, так как при крещении католикам дают второе имя. Отец давно уже должен был быть на пенсии, но еще работает. Здоровье позволяет не только содержать свою семью, но, втайне от меня, помогать финансово внуку и внучке. Знает, что буду злиться, ибо их обеспечивать – моя задача. Молодец! Дай Бог ему здоровья.

Мама, Ирэна-Дануте, певица. Всю жизнь занимается музыкой, даже в Литовском национальном хоре радио и телевидения пела. Сейчас работает в Вильнюсской Музыкальной академии, то есть все время при деле.

Они старались сделать музыканта и из меня, но не получилось. Но зато я очень рад, что это вышло с моей сестрой Эдитой. Она на 11 лет моложе. Думаю, маме приятно. Наверное, когда она растила меня, это не позволяло ей стать известной. Ее талант передался дочери. Сестра – большая умница. Преподает в Музыкальной академии и поет сама. У нее чудесный голос. Хороший человек и педагог. Дети к ней тянутся. Вообще у нас в семье хорошие все. Даже иногда я...

Что же касается непосредственно моей семьи, то

здесь «первым номером» назову мою жену Юлию. По национальности она украинка, родом из Киева. Когда я там учился — увидел, влюбился, женился. Вместе мы уже почти 25 лет. Вот уж воистину — моя половинка.

Родители Юлии живут в Киеве. Все время стараемся общаться семьями. То мы ездим туда, то сюда приезжают они.

Красивый, сильный, динамичный город. Ух! Я и работал в Киеве, и учился там на переводческом факультете в университете имени Тараса Шевченко.

Чуть не забыл. Членом нашей семьи можно считать и собачку Мусю. Йоркширский терьер. Маленькая такая, ее можно носить на руках. Но характер у нее, как у волкодава. Когда лает, люди думают, что там что-то большое-большое. Двухметровое. Она, наверное, сама так думает. Не боится никого. Идет в любую атаку. На кота, больших собак и даже овчарок. Очень милая.

Я, кстати, был категорически против, когда ее купили. Семья со мной не советовалась. Просто поставили меня перед фактом. Дело в том, что до этого у нас был американский кокер-спаниэль. Мы его очень любили, но уберечь от безвременной смерти, к сожалению, не смогли.

После этого я зарекся, что собак больше иметь не буду, но Муся доказала, что был не прав. После работы приходишь домой усталый, ляжет тебе на колени – полный релакс. В жизни не нужно больше ничего.

Отец, конечно, хотел, чтобы я был летчиком. И, наверное, чуть-чуть в этом переусердствовал. Все выходные мы вместе летали на всяких планерах и «кукурузниках». Видимо, у меня с вестибулярным аппаратом что-то не то. Подобные экстримы переносить не могу, а он любитель «переворачиваться», делать

всякие «мертвые петли».

Как видите, летчиком я не стал. Не лежала у меня к этому душа. Хотелось быть или актером, или дипломатом. Романы о любви, может быть, мне хочется читать только сейчас, а раньше я предпочитал только что-то очень серьезное, то есть преимущественно литературу международной тематики.

У литовцев никогда не было (даже во время советской оккупации) стремления быть неким чисто советским этносом. Все время в домах людей был трехцветный флаг, а в сердцах – чувство национальной самобытности. Даже на международных соревнованиях наших спортсменов часто называли не советскими, а литовскими. Несмотря на «времена интернационализма», чувство национального самосознания у литовцев присутствовало всегда.

Конец восьмидесятых годов — начало девяностых. Независимость. Саюдис. Мне повезло входить в самостоятельную жизнь именно в то прекрасное время.

В университете выучил чешский язык, а вообще знаю их довольно много. Такие специалисты стране,ставшей свободной, были очень нужны. Не случайно, когда объявили конкурс на замещение вакантной должности в нашем Сейме, то победил именно я. Работал в Международном отделе. Поначалу был референтом, потом стал руководителем Межпарламентского департамента, и затем перешел на дипломатическую службу.

С 1993-го года по 1997-й был консулом в Киеве. Еще со времен учебы знаю украинский язык. У меня даже есть диплом – «Выкладач украінской мові і літаратуры». Теперь уже, к сожалению, некоторые вещи начал забывать. Слава Богу, делать это не дают друзья,

в частности посол Игорь Лиховой, с которым иногда общаемся только на украинском.

Потом вернулся в Вильнюс, был шефом протокола нашего МИДа.

В 2000-ом году уехал послом Литвы в Италию. Потом были Швейцария, Сербия, Черногория, Мальта

В 2004-ом меня к себе на работу пригласил Валдас Адамкус. До 2006-го года был его советником по международным вопросам. Потом стал в МИД послом по особым поручениям, курировал этот регион.

В феврале 2007-го вручил верительные грамоты президенту Лукашенко. Скоро будет два года, как работаю здесь.

Имею много зарубежных и литовских наград, в том числе Мальтийский орден.

— Кем работает Ваша жена?

— Женой посла Литвы. Так у нее даже в паспорте написано. Может быть, она и хотела бы работать по специальности, но не имеет права. За это я всегда чувствую перед ней вину. Юлия закончила тот же Киевский университет, она филолог. Так как я почти сразу поступил на дипломатическую службу, то взял грех на душу и помешал ее профессиональной карьере. Хотя в Вильнюсе она работала в музыкальной академии, занималась международными связями. Всегда очень активная и много занимается всякими женскими клубами, но самая ее главная работа состоит в том, что Юлия растит и воспитывает наших детей.

Внуков пока нет, хотя мама меня родила в двадцать лет. Как-то не хочется уже называть себя дедушкой, но это, как даст Бог.

04.12.08

САМЫЙ ЗАПОМНИВШИЙСЯ

Действительно, среди дипломатических работников, работавших в нашей республике, немецкого дипломата Ханса-Георга Вика без преувеличения можно назвать самым запомнившимся. И не только потому, что в 1997-ом году им была создана в Минске Консультативно-наблюдательная группа ОБСЕ, позднее преобразованная в офис этой организации. Просто он стал первым иностранцем, который попытался научить нас уважать друг друга.

— Если позволите, начнем с рождения.

—Я родился 28-го марта 1928-го года в семье

экономиста по внешней торговле Джона Вика и его жены Элизабет, урожденной Халль, в Гамбурге. Стал третьим ребенком и единственным сыном в семье. Мои предки по материнской линии были на протяжении столетий свободными и экономически хорошо обеспеченными крестьянами, жившими в Эльбмаршен (около Глюкштат), а со стороны отца — юристами из Шлезвиг-Гольштейн. В 1929-м году, через год после моего рождения, отец умер.

Во время Первой мировой войны во французском Бресте, как гражданское интернированное лицо, его взяли в плен. Жена с тремя маленькими детьми осталась совсем одна. Моя мать также потеряла отца в раннем детстве, точнее в один год от роду.

Экономическое положение нашей семьи (как и миллионов других) было критическим. Первая мировая война и послевоенная инфляция уничтожили все семейные накопления. Время тогда было очень трудным. Германия в связи с мировым экономическим кризисом 1929-1933 годов переживала упадок экономики и численностью безработных достигла 6 миллионов.

Потом, как известно, была еще одна напасть. Политика Гитлера привела Германию и Европу к трагедии небывалого масштаба. В 1943-м году большая часть Гамбурга была разрушена во время многочисленных воздушных бомбардировок, в том числе и наш дом. К концу войны я состоял в фольксштурме , но воевать, к счастью, не довелось. В начале мая 1945-го года наш город сдался без борьбы.

Несмотря на разнообразные ограничения и трудности, с которыми мы жили и которые только лишь усилились во время войны, о юности у меня

сохранились хорошие воспоминания. Масса знакомств, появление ответственности за родственников и просто чужих людей.

— Почему Вы выбрали профессию дипломата?

— После войны в Гамбурге я изучал историю, философию и гражданское право. Меня интересовало, почему немецкие правительства совершали такие весомые стратегические ошибки, не смогли предотвратить и даже начали обе войны.

Кроме того, хотелось знать, возможно ли в Федеративной Республике Германия формирование гражданского политического большинства, которое могло бы осуществить, внедрить социально-направленную рыночную экономику и предотвратить государственный социализм. Так и произошло.

Моя диссертация была посвящена основанию в Германии после Второй мировой войны христианско-демократического союза.

После учебы в 1954-м году поступил на дипломатическую службу.

— Как происходило Ваше профессиональное развитие?

— Когда спросили, куда бы меня направить, ответил довольно нескромно – в Москву и Вашингтон, то есть в столицы главных на тот момент мировых властных центров. Позже это пожелание материализовалось, но сначала мне пришлось поработать в Германии.

Произошло это лишь в 1977-ом году. По 1980-й я представлял ФРГ в качестве посла в Москве. Назначение считалось очень сложным, ибо Москва как

одна из «четырех сил» Германии (наряду с США, Францией и Великобританией), в отличие от нашего правительства, имела иные представления о ситуации. И цели в решении немецкой проблемы преследовала совсем иные. Кроме того, в Европе существовали непримиримое идеологическое противоречие и военная конфронтация между странами Варшавского договора под советским управлением и Североатлантическим союзом. В самом центре Европы противостояли друг другу миллион солдат Варшавского договора и НАТО. С огромными военными потенциалами. В том числе и ядерными.

Именно в те годы в ответ на появление советских ракет типа СС-20 было принято решение Североатлантического союза о размещении в Западной Европе американских крылатых ракет и ракет среднего радиуса дальности.

Тогда же были приняты также важные политэкономические решения – увеличение поставок газа из СССР в Германию и другие западноевропейские страны, заключены договоры о новых поставках бесшовных труб для русских нефте- и газопроводов. Норвегия согласилась в случае бойкота поставок с советской стороны поставлять недостающие объемы газа и нефти, но этого не понадобилось. Во время холодной войны советские поставки никогда не прерывались. Исключением стала лишь Финляндия, а причиной был большой мороз.

«Советская тема» не была для меня чем-то новым. Во время работы в наблюдательной миссии ФРГ при ООН в сентябре 1960-го года я был свидетелем постыдного выступления в генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева. Того самого, когда он в

поддержку своей критики стучал по трибуне ботинком.

Направили меня в Нью-Йорк годом ранее, а оттуда послали в Вашингтон. К слову, я стал самым молодым сотрудником политического отдела нашего посольства. После вступления в должность избранного в ноябре 1960-го года президента США Джона Ф. Кеннеди началась ощутимая политическая конфронтация с советским партийным шефом Никитой Хрущевым. Последний уже в ноябре 1958-го года в Берлинском ультиматуме подверг сомнению расстановку мировых сил. И касалось это, прежде всего, Берлина.

13-го августа 1961-го года противостояние вылилось в то, что немецкая столица была разделена печально знаменитой стеной. А в 1962-м году на союзническом Чек-Поинт «Чарли» советские и американские танки уже стояли друг против друга. Продолжилось все размещением советских ракет на Кубе. Мир тогда был на грани Третьей мировой войны. Славу Богу, все в итоге закончилось благополучно, но «американский» период служебной карьеры запомнился навсегда как один из самых сложных в моей жизни.

В 1965-ом я вернулся в наш МИД в Бонн и занялся вопросами германской и Берлинской проблематики. Однако длилось это всего четыре года.

При формировании социально-либеральной коалиции осенью 1969-го года будущий Бундесканцлер Гельмут Шмидт стал федеральным министром обороны и попросил меня создать в его министерстве отдел планирования.

Когда в 1980-м году перед немецким послом в НАТО Паульсом встал вопрос о преемнике, было логично предложить эту должность кому-либо из тех,

кто уже был в Москве и Вашингтоне, а также работал на ключевой позиции в министерстве обороны, и выбор пал на меня.

С 1980-го по 1985-й год возглавлял немецкое представительство в НАТО.

Осенью 1985-го меня назначили на должность руководителя немецкой внешней разведки.

Есть смысл также упомянуть, что я был немецким послом в Иране (1974-1977) и Индии (1990-1993).

После окончания дипломатической службы в связи с моим возрастом в апреле 1993-го года я по предложению немецкого министерства иностранных дел некоторое время консультировал при формировании грузинского госуправления и реорганизации их МИД. президента Эдуарда Шеварднадзе

В декабре 1997-го года возглавил организованную ОБСЕ Консультативно-наблюдательную группу в Минске, задачей которой была поддержка становления демократических институтов и наблюдение за соблюдением Беларусью обязательств в рамках ОБСЕ.

— Расскажите, пожалуйста, о Вашей семье?

— У меня большая семья: дочь (46 лет) и три сына (50, 48 и 44 года), соответственно Анна-Джессика, Ханс-Аскан, Оливер-Георг и Джон-Яспер. Все состоят в браке, у всех свои семьи и успешная работа. У меня 10 внуков – 5 мальчиков и 5 девочек. Таким образом, я щедро одарен Богом.

К сожалению, с 1977-го года матери этих давно выросших детей уже среди нас нет. Но она не забыта, продолжает жить в нашей памяти

Старший сын изучал экономику в Германии и США. Он успешно работает в банковском секторе. Как и его

жена. У них двое детей.

Средний сын – юрист. Работает начальником отдела внешней экономики и политики стимулирования социально-экономического развития развивающихся стран в «Федеральном объединении немецкой индустрии промышленности».

Он 10 лет был управляющим «Восточного комитета немецкой экономики». Жена у него из Таджикистана, у них двое детей.

Моя дочь — медсестра Мальтийского ордена, замужем за предпринимателем из Эссена. В настоящий момент сконцентрирована на воспитании троих детей.

Младший сын изучал историю, философию и теологию. С начала 90-х поступил на службу в немецкий МИД. Он работал в посольствах в Баку и Москве, хорошо разговаривает по-русски. Воспитывает троих детей

У всех нас хорошие отношения.

— Как сложилась Ваша жизнь после возвращения из Беларуси?

— Катастрофическое политическое, экономическое, социальное и моральное положение Германии в конце войны определило выбор моей профессии и образования. Это также объясняет и то, что окончание активной рабочей деятельности (с достижением 65-летнего возраста) не стало разрывом с теми темами, которые определяли преодоление этой катастрофы. Пережитое, познанное было перенесено в академическую деятельность и в аналитические публикации.

А работа в структурах ОБСЕ во многом определила создание объединения «Права человека в Беларуси».

Принимаю активное участие в работе дискуссионного клуба «Секретные службы и демократия», занимаю должность председателя немецко-индийского общества, чья деятельность направлена на поддержку социальных проектов в индийских поясах бедности.

P.S .За перевод этого материала с немецкого языка автор искренне благодарит Веру Гуринович.

20.03.09

ДИПЛОМАТ С «ТЕСНОЙ» БИОГРАФИЕЙ

Судьба каждого из нас, по-своему уникальна, но то, что вместилось в 43-и года жизни Временного Поверенного в делах Эстонской Республики в РБ Харри Лахтейна, безусловно, заслуживает отдельного внимания. Думаю, многие, прочитав это интервью, придут к такому же выводу.

— Предлагаю начать с макаревичского «ты помнишь, как все начиналось?»

— Охотно. Родился 30-го декабря 1966-го года в Таллинне и был в семье первенцем. Мама (Мария) совсем немного не дождалась новогоднего праздника, так что каждый Новый год мне в некотором смысле

приходится праздновать дважды. Она потом вспоминала, что зима тогда была очень морозной и снежной.

Кажется, мама уже работала бухгалтером в министерстве культуры. А отец, Хэйно, был водителем на «Таллинфильме».

Поначалу жили у знакомых (своего жилья не было), а потом получили квартиру в новом микрорайоне «Мустамае». В переводе с эстонского это означает «черная горка», хотя, в отличие от Вильнюса, их там нет вообще.

Как и все мальчишки, любил играть во дворе в футбол, а тут мне подарили кабинетный рояль. Наверное, для того, чтобы я стал очень известным музыкантом…

Можно только догадываться, как мне это не нравилось: ребята гоняют мяч, а я жму клавиши. С моими короткими пальцами добиться в этой сфере чего-то серьезного практически невозможно. Осознание этого со временем переросло чуть ли в ненависть к музыкальному инструменту. Очень быстро перестал к нему подходить вообще.

Когда-то моя мать отдыхала на Черном море и сдружилась там с грузинкой, которая была ее доктором. Дружеские отношения сохранились на всю жизнь, поэтому первая после моего рождения поездка была в Грузию, а первый в жизни полет в самолете мне жутко не понравился – заложило уши. Именно Лия Тсомая и стала моей крестной матерью.

По иронии судьбы, через много лет именно в Грузии начнется моя дипломатическая карьера.

Учился в 44-ой средней школе в Таллинне. Она не значилась специализированной. Половина классов там

были «английскими», половина – нет. Я учился во второй… «Забраковали». Зря, конечно.

В детстве все время смотрел финское телевидение и самостоятельно выучил их язык. Он немного похож на эстонский, но без учебы тут не обойтись. Ничего понять невозможно. Это как датский и шведский.

Кроме всего прочего, там были английские фильмы с финскими субтитрами. Так что я начал понимать еще и английский язык. А научился читать по книжке «Крестный отец» (фильм сняли позже), которую мне принес отец. Книжка была безумно интересной, но на английском языке. Пришлось научиться чтению. Сначала с помощью словаря, потом – без.

В моей жизни это был первый бестселлер.

В школе же мы учили английский язык только с 5-го класса. Но это была всего лишь грамматика, что мне не понравилось вообще. Незнакомые тексты начали читать только в 8-ом классе. Помню, удивленное лицо моей учительницы английского языка. На грамматике значился «троечником», а тут такой уровень…

В школе я был активным участником нашей агитбригады (как сейчас КВН) и серьезно намеревался поступать в театральное училище, но там прием был только через год. Не повезло. Нравилась и юриспруденция, поэтому выбрал юридический факультет Тартуского университета.

— Очень солидный выбор…

— Поступать было очень тяжело.

На тот момент я уже тесно сошелся со своей будущей первой супругой. Кстати, несколько лет назад она была здесь, в Беларуси, эстонским консулом. Дружили мы еще со школы. Она старше меня, что,

конечно же, не очень нравилось моим родителям.

Для того, чтобы я получше подготовился к поступлению, они уехали в круиз по Волге, но каково там… Когда квартира свободна, учеба получается не очень хорошо…

Помню, до экзамена по истории я успел прочитать конспекты до «декабристов». Было тяжело, но набрал необходимые баллы и поступил.

1985-й год. Если кто помнит, в советской армии в то время была острая нехватка солдат. Начали призывать из вузов. Вообще для меня этот год стал очень знаменательным – окончил школу, женился, поступил в университет и … забрали в армию.

Служил в восьмой отдельной армии ПВО в маленьком поселке Тайцы (недалеко от Гатчино), что под Санкт-Петербургом. Мы «закрывали» Прибалтику. Пробыл там всю службу, только перед «дембелем» нас послали «на картошку» в Полоцк.

1987-й год был неурожайным (очень сильные дожди все сгноили), а в армии, как известно, солдату нужно обязательно придумать какую-нибудь работу. Кто-то загружал вагоны на железнодорожной станции, а нас определили на Полоцкий мясокомбинат. Я был бригадиром.

Помню, солдаты на проходной (особенно молодые) напоминали инопланетных роботов – невозможно согнуть руки или ноги. Всюду под бушлатами колбаса. А за ближайшим углом нас уже ждали местные жители. Меняли колбасу на самогонку. Бартер!

Но это – эпизод в два с половиной месяца, который ознаменовался полным распадом воинской дисциплины. В целом же служба была очень напряженной. Постоянные боевые дежурства.

Запомнился и такой факт. Остались считанные дни до «дембеля». Я тогда дежурил (засекреченная связь) в «хрустальном» зале, где у нас находился оперативный дежурный в чине целого полковника. День пограничников.

Утром на построении нам сказали, что ночью произошло ЧП – на Красной площади приземлился Матиас Руст. В нашей зоне ответственности его «засекли». То есть солдаты сработали нормально, а все «завалили» «большие начальники». Вначале думали, что это птичья стая, но потом стало ясно — нужны вертолеты. Их тогда в ПВО не было. Наш командующий с «округом» дружил не особенно хорошо…

А когда нарушителя «передавали» Московскому военному округу оказалось, что там никто не подходит к телефону… Советский бардак…

После увольнения в запас продолжил учебу, но недолго. К тому времени у меня уже была первая дочь. Пришлось взять на год «академку». Работал экспедитором (то же самое, что грузчик, только нужно было ездить в разные места) в автобазе. Во время острейшего дефицита это было очень выгодное занятие. После года «отдыха» вернулся на учебу в Тарту.

В это время Эстония начала возрождать свою независимость. Счастлив человек, если он может на что-то влиять. 1991-й год. Тема дипломной работы — международное право в области воздушного терроризма. Материала никакого нет. Благо кое-что можно было найти в Хельсинском университете, где я был много раз. Да и знакомых финнов было много. Чтобы получить что-то эмпирическое, я начал искать тех, кто этим занимается в Эстонии.

Так вышел на полицию безопасности. Попросил дать какую-нибудь информацию и услышал: приходите к нам на практику, иначе не сделать нельзя. Дескать, посторонним этого знать не положено, а понять суть можно только «изнутри».

С 1992-го года я начал там работать. Вначале практикантом, а потом и на постоянной основе.

— **А как Вы стали дипломатом?**

— После шести лет работы в полиции безопасности перешел в государственную канцелярию и правительство Эстонии, затем один из моих друзей, который был владельцем самого популярного в Таллинне ночного клуба «Голливуд», предложил там поруководить. Я согласился. Все были в недоумении: юрист-полицейский-директор ночного клуба.

Пробыл им год. Правы англичане, когда говорят, что «нет бизнеса лучше, чем шоу-бизнес». Фирма, в которой начал работать, занималась не только ночным клубом. Это организация концертов, рок-фестивалей, мы являлись дистрибьюторами фильмов в компании «Disney». Было очень здорово. Совершенно новая сфера. Все хотели со мной познакомиться. Особенно девушки…

Но это — не мое.

Работая в полиции безопасности, я хорошо осознал, что каждый мужчина обязан уметь защищать свою страну, и прошел добровольные курсы офицеров эстонской армии. Хотя в армии советской зарекался никогда не иметь дел с этой тупостью, здесь же все было совсем другим. На курсах знакомые еще со студенческих времен действующие сотрудники министерства обороны предложили перейти к ним.

В 1999-м году я так и сделал. Стал директором отделения оборонного планирования.

Затем предоставилась возможность стать магистром в военно-морском училище в Калифорнии. 15 месяцев жизни и учебы в районе Санфрацисского залива, город Монтерей! 50% — американцы, 50% — иностранцы.

После присвоения мне степени магистра (2002 г.) продолжил работу в министерстве обороны, а затем (2004 г.) был назначен военным советником в Грузии. Потом там решили создать наше посольство, и поручили это сделать мне. Дескать, зачем искать кого-то другого, если есть человек, который знает очень много и многих. К тому же я был там единственным представителем нашей страны. До открытия посольства эстонские интересы в Тбилиси по совместительству представлял наш посол в Украине.

Из военных пришлось в срочном порядке «переквалифицироваться» в дипломаты. Прошло всего несколько месяцев, и эстонское посольство в Грузии стало реальностью. С нуля. Очень этим горжусь, а еще тем, что оно является единственной в мире эстонской дипломатической миссией, на чьей территории растут пальмы. Такого нет даже в Африке.

В августе 2008-го года, за три дня до войны, я из Грузии уехал. Мой сменщик и хороший друг, к слову, очень рассчитывал покупаться и позагорать – не удалось. Кстати, он стал единственным иностранным послом, который не побоялся во время российских бомбежек приехать в Гори.

После этого год проработал в эстонском МИДе. Моя вторая супруга Улви уже была беременной. Вместе с ней был в роддоме (нам выделили свою палату),

присутствовал при родах второй дочери и лично перерезал пуповину. Должен сказать – великолепные ощущения! Очень сильно сближает.

В августе 2009-го года меня назначили в Беларусь. Замечательная страна и люди.

— Вы ни слова не сказали про свои увлечения?..

— В первую очередь это индорхоккей, то есть хоккей в зале. В Эстонию в начале 90-х годов прошлого века это пришло из Швеции и Финляндии. Мы играли в первой лиге первенства Эстонии. Я был вратарем. Там есть, конечно, защита, но нагрузка на суставы все равно большая, и врачи однажды сказали: если хочешь нормально ходить – прекращай. После этого занялся сквошем. Очень интересная игра.

А в Грузии, где для него не было ни одного корта, увлекся маутенбайком (горный велосипед), и за десять дней до открытия нашего посольства… сломал ногу. Открывал его на костылях. Очень много адреналина!

В Беларуси вновь занялся сквошем, а в ближайшие дни хочу найти хороший спортзал. Нужно срочно сбросить «лишний вес».

Но самое мое большое хобби – дочка Лаурен.

01.02.10

ЗМЕСТ